Мертвый ноль

Автор:
Макс Фрай

Мертвый ноль

Макс Фрай

Сновидения Exo #7

Мертвый ноль – это такой специальный заколдованный ноль, к которому ничего нельзя прибавить. Ни на каких условиях. Никогда. Квинтэссенция небытия.

Эта книга была написана для того, чтобы уменьшить количество мертвых нулей во Вселенной. Ну и по ходу дела мы, как это обычно случается, несколько увлеклись, погорячились, можно сказать, перестарались. Поэтому мертвых нулей во Вселенной не осталось совсем. Но вряд ли о них кто-то заплачет. Не надо нам здесь этого вашего глупого небытия.

Макс Фрай

Мертвый ноль

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Все началось с того, что мне на голову свалилась принцесса. Не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом. Увесистая и довольно твердая принцесса рухнула с неба прямо на мою голову и заодно на всего остального меня – вот как следовало бы начать рассказывать эту историю, взывая к сочувствию при помощи наглядной демонстрации оставленных падшей принцессой синяков.

Но я честный человек. И не могу игнорировать тот факт, что на самом деле история началась задолго до падения принцессы. С того, что в мою гостиную вполз гений. Не вошел, а именно вполз.

Гений был пьян до изумления, по крайней мере, до моего. Настолько убедительно пьяным я видел величайшего архитектора современности только однажды, примерно год назад. Причем в тот раз его напоил я сам – исключительно в интересах следствия. Я тогда подозревал, что он ужасный злодей. Потом оказалось, просто вдохновенный художник, так что переводить на него выпивку совершенно бессмысленно. Я больше и не стал. Но в этот вечер Малдо Йоз справился своими силами.

Гений тем и отличается от нормального человека, что делает все не когда попало, а вовремя, в самый подходящий для соответствующего поступка момент. Или уж настолько невовремя, что волосы дыбом. Малдо выбрал второй вариант. Если бы он предварительно спросил меня, когда именно ему следует вползти в мою гостиную в съехавшей на одно ухо шляпе, невразумительно мыча нечто среднее между «спасите-помогите» и «я – самый главный властелин Мира», я бы ответил: когда заблагорассудится, только, пожалуйста, не прямо сейчас.

Но он, увы, не спросил. И нарушил размеренное течение уютного домашнего вечера, который обещал стать первым по-настоящему спокойным отрезком времени между закатом и полуночью если не за всю мою жизнь, то уж точно за последний год. Но так и не стал.

А ведь как хорошо поначалу складывалось. Студенты, которые теперь по милости Базилио вечно у нас толпами околачиваются, выпросили у собак, вернее, у порядком уставшего корчить из себя донельзя важного профессора Дримарондо разрешение с ними погулять; что касается добряка Друппи, его долго уговаривать не надо, только дверь открой. Сама Базилио с ними не пошла, она с обеда чахла над какой-то особо коварной задачкой из числа тех, что леди

Тайяра предусмотрительно оставляет своей не в меру способной ученице перед тем, как сбежать на свидание. Поэтому сэр Умара Камалкони, Старший Помощник Придворного Профессора овеществленных иллюзий, внезапно, без предупреждения, решивший навестить Базилио, порядком заскучал.

Базилио очень переживала, что не уделяет внимания гостю, то и дело обещала: «Сейчас я закончу, сейчас-сейчас», но ни решить задачу, ни бросить ее на середине не могла, так что мне пришлось спуститься с небес на землю, в смысле, из кабинета в гостиную и разложить на столе доску для игры в «Злик-и-Злак», благо наш гость до нее большой охотник. Ну и мне эта заморская игра пока не настолько надоела, чтобы сбегать из дома всякий раз, когда кто-нибудь предлагает сыграть несколько партий. Хотя, боюсь, к тому понемногу идет. Это моя вечная проблема: как только я достигаю достаточно высокого уровня мастерства в каком-нибудь деле, оно мне тут же надоедает. Счастье еще, что в магии, сколько столетий на нее ни угрохай, все равно останешься новичком, который только-только начинает всерьез учиться, и самое интересное пока впереди. Настольные игры, даже самые заковыристые, такой особенностью, к сожалению, не обладают.

За почти год регулярной практики я убедился, что играть в «Злик-и-Злак» компанией гораздо интересней, чем вдвоем: чем больше игроков, тем больше неожиданных поворотов и непредсказуемых препятствий возникает на пути твоих фишек. Даже втроем уже совсем другое дело.

Нам повезло, третий игрок у нас был.

Третий игрок влетел в окно перед самым началом партии, мгновенно оценил обстановку и взвился над столом аккуратным вежливым смерчем, требуя: «Выдайте фишки и мне!» Ветрам обычно непросто объясняться с людьми: они нас прекрасно понимают, а мы их – не очень, элементарные вещи приходится по сто раз объяснять, стараясь не шваркнуть сгоряча об стенку так называемый венец творения, не способный поддержать даже самый примитивный бытовой диалог. Но к счастью, с языком этого ветра я более-менее освоился, все-таки он регулярно навещает меня с начала осени. А он за это время, помимо прочего, успел выучить правила игры «Злик-иЗлак» и наловчиться не только аккуратно подбрасывать кубики, но и передвигать свои фишки по полю, не сбрасывая чужие; для человека это дело нехитрое, а для ветра – совершенно виртуозный трюк.

Таким образом, из ветра получился вполне приличный игрок. Хотя хорошим стратегом его все-таки не назовешь. Да и тактик из него, прямо скажем, не очень. Ветры вообще слишком бесхитростны и прямодушны для наших человеческих игр.

Зато он везучий. И вносит в течение игры гораздо больше непредсказуемости, чем целая дюжина обычных игроков.

…В общем, мы с ветром и Старшим Помощником Придворного Профессора условно азартно резались в «Злики-Злак»; то есть я – условно, поскольку старался незаметно поддаваться своим противникам, чтобы им было не слишком обидно, их-то разбирал настоящий азарт. Базилио убедилась, что ее гость приятно проводит время, и с новыми силами вгрызлась в свою задачку. Армстронг и Элла лежали у ее ног и уважительно тихо мурлыкали, почти не привлекая к себе внимания. Студенты с собаками продолжали удаляться от Мохнатого Дома со скоростью примерно полторы мили в час, потому что постоянно отвлекались на всякие глупости, ради которых, собственно, и затеваются прогулки, иначе зачем бы они были нужны. Леди Тайяра, по моим прикидкам, вряд ли собиралась возвращаться домой до послезавтрашнего утра, она человек основательный: если уж ушла на свидание, так будь любезна, сосредоточься на этом занятии, чего попусту бегать туда-сюда. Все остальные действующие лица мистической трагикомедии, которая считается моей жизнью, занимались какими-то своими делами, и хоть бы одна зараза прислала мне зов: «Я без тебя пропадаю!» С одной стороны, я был за них рад, а с другой, немного растерян. Просто отвык от идеи, что без меня вполне можно какое-то время не пропадать.

Если называть вещи своими именами, настолько скучно, как в этот вечер, мне не было с начала осени, когда я проводил отпуск в тюрьме Холоми с целью как следует выспаться. Ни до, ни, тем более, после мне вообще ни насколько не было скучно, ни единой минуты, и теперь я наслаждался этим экзотическим ощущением, как сладким дымом куманских притонов. И пока ничего не хотел менять.

Но кто ж меня спрашивал. Развлечение уже стояло на моем пороге, обеими руками держась за стену. Но все равно потихоньку сползало на пол. Во всяком случае, в гостиную мой друг Малдо Йоз ввалился уже на четвереньках. Удивительно, что его знаменитая шляпа, почти точная копия Королевской, при этом прекрасно держалась на голове. Приклеивает он ее, что ли? Или

специальное заклинание в архивах отыскал?

Я вообще забыл, что с людьми такое порой случается: когда на вечеринках тебе окружают почти исключительно опытные маги, у которых на всякую рюмку полторы дюжины протрезвляющих приемов и заклинаний, как-то упускаешь из виду, что человек в сущности слаб.

Поэтому в первый момент я всерьез испугался: решил, что Малдо чуть ли не при смерти. Приготовился метнуть в него Смертный шар, приказать немедленно исцелиться, а уже потом разбираться, что с ним случилось. Но тут до моего носа наконец добрался запах адского перегара. И сразу расставил все по местам.

Обнаружив, что спасать никого не надо, я сразу же рассердился. Вот не было печали. Возись теперь с этим красавцем, протрезвляй, приводи его в чувство, ругай, потом извиняйся за резкость, расспрашивай, что случилось, выслушивай, стараясь не перебивать бестактными репликами: «Из-за такой ерунды?!» А ведь так славно сидели, как приличные люди, мирно развлекаясь занимательной настольной игрой.

Впрочем, мои гости только обрадовались новой вводной. Ветер тут же бросил фишки и метнулся к Малдо. Его можно понять: для ветра смешаться с запахом перегара – все равно, что для нас выпить рюмку-другую чего-нибудь крепкого. Причем от специально вылитого в таз, или просто на пол вина никакого проку, нужный эффект дает только дыхание пьяного человека, это мы с ним однажды выяснили экспериментальным путем и больше к вопросу не возвращались; я только сейчас сообразил, что, наверное, зря. Боюсь, по-настоящему гостеприимным хозяином мне никогда не стать.

А Старший Помощник Придворного Профессора Умара Камалкони понимающе усмехнулся в седые усы и шепнул мне:

– Не сердитесь на него, сэр Макс. Краем уха я слышал, что нынче днем сэр Малдо был приглашен в замок Рулх и получил некий личный Королевский заказ, да такой непростой, что на его месте, я бы и сам, пожалуй, лишился душевного равновесия.

Чрезвычайно интересная информация. Особенно если учесть, что под ничем не примечательной личиной пожилого помощника Придворного Профессора

скрывается Его Величество Гуриг Восьмой. Сэр Умара Камалкони – просто Королевский карнавальный костюм, специально предназначенный для тайной дружбы с Базилио и больше ни для чего. В ту пору наша Базилио еще была ужасающим василиском, и всем, включая Его Величество, ужасно хотелось на это чудище поглазеть. Король, большой любитель переодеваний и анонимных прогулок по своей столице, тут же придумал повод для визита и соответствующую ему роль: Старший Помощник Придворного Профессора Овеществленных Иллюзий явился по поручению начальства исследовать новоявленное волшебное существо. Однако они с Базилио неожиданно крепко сдружились на почве совместного решения головоломок, и с тех пор Король регулярно нас навещает под видом старичка-придворного. Эта маска замене не подлежит: Базилио считает, что прекрасней Старшего Помощника Придворного Профессора нет в Мире существа. А на настоящие портреты Короля, молодого и обескураживающе красивого, взирает равнодушно: ну да, Король. Великий человек, это понятно. А все равно господин помощник Придворного Профессора в сто раз красивей! Вот и поди пойми этих чудовищ, даже когда они бывшие. Впрочем, с обычными юными барышнями, я слышал, достичь взаимопонимания ничуть не проще. Особенно в вопросах сердечных привязанностей. Иными словами, они вечно влюбляются черт знает в кого.

Базилио так привязалась к старичку придворному, что, даже обретя человеческий облик, согласилась перед каждым его визитом заново превращаться в кошмарную химеру, чтобы специалист по овеществленным иллюзиям, мог продолжать исследования. Хотя свою первоначальную форму Базилио ненавидит всем сердцем, и ее несложно понять. К счастью, потом они каким-то образом договорились, что превращаться больше не обязательно. Не знаю в точности, что за аргументы сочинил Король; скорее всего, просто сказал, что начальство велело ему приступить к тщательному всестороннему изучению нового человеческого облика загадочного чудовища. Базилио после этого на радостях проплясала полдня.

Но все это на самом деле неважно. Я только хотел дополнительно подчеркнуть, что Малдо действительно гений: мало кому из художников удается столь наглядно продемонстрировать высокопоставленному заказчику свое смятение, творческие муки, внутренний конфликт и все остальное, что по умолчанию прилагается к сложной художественной натуре. Это я и называю – делать все вовремя. Не знал, не догадывался, даже в шутку предположить не смог бы, что по вечерам в моей гостиной иногда можно застать Короля, да и пришел сюда явно не по осознанному решению, а повинуясь капризу сбрендившего автопилота, но все равно – в самый подходящий момент.

Я сразу подумал: как же удачно получилось, что Его Величество пострадал от собственных действий, в смысле от последствий своего непростого заказа. И мне теперь не надо извиняться за прискорбное состояние гостя и объяснять, что на самом деле у нас тут пока еще не притон вроде «Джубатыкского фонтана». По крайней мере, не настолько притон, как может показаться, когда люди – ладно, допустим, всего один человек – ползает на четвереньках и невнятно мычит, а ветры – ладно, всего один ветер – как бы ласково его обвевает, а на самом деле цинично пользуясь случаем, закладывает за воротник.

Впрочем, в невнятном мычании бедняги Малдо мне в конце концов удалось разобрать несколько слов: «халиф», «дворец» и «полный конец обеда»; причем последнее в столь разнообразных вариациях, что хоть записывай – редкая возможность за один вечер собрать уникальную коллекцию синонимов слова «трындец». Сюда бы сэра Шурфа с тетрадкой для записей, но в это время суток мой друг обычно упивается абсолютной властью над Орденом Семилистника, вернее стоически терпит временную необходимость над ним абсолютно властвовать. И пропускает кучу всего интересного – вот как, например, сейчас.

– Тебя протрезвить, или просто уложить спать? – спросил я, склонившись над светилом современной архитектуры.

Не то чтобы я всерьез рассчитывал получить внятный ответ. Но должен был наглядно продемонстрировать, что по-прежнему уважаю чужую свободу воли – не ему, конечно, а самому себе. У меня с этим строго: не хочу превращаться в тирана. Остальные от этого ужаса как-нибудь на краю Мира спрячутся, а мне рядом с собой еще жить и жить.

Однако взор Малдо на миг прояснился, и он вполне членораздельно сказал:

– И то и другое, пожалуйста, – и не успел я обрадоваться налаженной коммуникации, добавил: – Полный стакан.

Разочарование мое было столь велико, что я мстительно спрятал его в пригоршню, предварительно уменьшив до практически полного исчезновения. Не то чтобы самое страшное наказание, трезвым людям эта процедура обычно скорее нравится, а пьяный просто ничего не поймет. Но Малдо такого обращения

очень не любит. Богема богемой, а разделяет обывательские предрассудки, согласно которым старинный прием, придуманный для транспортировки мебели и других тяжелых грузов, почему-то считается оскорбительным для людей. Но тут он сам виноват: нашел к кому пьяным вламываться. По ряду причин я уделяю недостаточно внимания регулярным занятиям тяжелой атлетикой, а потому на второй этаж, где расположено большинство пустующих спален, без применения магии могу отнести на руках разве что кота.

Пока я возился с нетрезвым гением, другой гений, в смысле Базилио, наконец-то решила свою задачку, с торжествующим воплем подбросила к потолку тетрадку и сказала своему гостю:

– Я так рада, что вы дождались! На самом деле я очень соскучилась. К тому же, третьего дня мне подарили настоящую тютюшихумскую головоломку. Я решила ее без вас даже не распечатывать и чуть не лопнула от любопытства. Хотите, откроем ее прямо сейчас? Она у меня в кабинете.

Будь я на месте Короля, я бы немедленно выскочил в окно и больше никогда не вернулся бы в дом, где мне предлагают такие ужасные вещи. Но морщинистое лицо Старшего Помощника Придворного Профессора расплылось в неподдельной улыбке, а глаза затуманились от предвкушения неземных наслаждений, которые испытывают настоящие интеллектуалы, столкнувшись с очередной непонятной хренью, способной свести с ума любого нормального человека. И даже некоторых ненормальных, вроде меня.

Базилио, конечно, очень меня подвела. Нет чтобы еще хотя бы четверть часа повозиться с этой грешной задачкой! Я бы как раз успел подробно расспросить Короля про заказ, который довел беднягу Малдо до столь плачевного состояния. А теперь никаких шансов – при всех моих достоинствах, тютюшихумской головоломке я не конкурент.

«Сэр Малдо вам сам все расскажет, – утешил меня Король, направляясь к выходу из гостиной. – Извините, что столь поспешно вас покидаю. Но тютюшихумские головоломки действительно огромная редкость, леди Базилио не зря гордится новым приобретением, а времени на это удовольствие у меня осталось – максимум полчаса».

Для объяснений он воспользовался Безмолвной речью, а вслух вежливо сказал:

– Спасибо за прекрасную игру.

– Это вам спасибо, – улыбнулся я, честно стараясь скрыть разочарование.

А ветер помахал им с Базилио на прощание огромным кеттарийским ковром, не поленившись ради красивого жеста поднять его с пола в воздух. А что стоявшие на ковре кресла при этом с грохотом разлетелись в разные стороны, с точки зрения ветра, невелика беда.

Впрочем, ковер он потом вернул на место. И кресла расставил заново, причем не как попало, а строго перпендикулярно столу, на одинаковом расстоянии друг от друга. Этот ветер принадлежит к редкой породе особо радикальных анархистов, которые разводят бардак исключительно ради удовольствия потом навести настолько полный порядок, что хоть на край света беги.

Но на край света побежал не я, а сам ветер. Вернее, полетел. И в общем правильно сделал. Нетрезвому ветру в человеческом жилище не место, он это и сам понимает. И нас от себя бережет.

В общем, все меня вероломно покинули, и я остался в гостиной один, с пьяным гением в кулаке. По уму, следовало бы отнести его в первую попавшуюся спальню и оставить в покое, пока не проспится. То есть, скорее всего, до завтра. Но я решил, что так не пойдет. Благо делать пьяных людей трезвыми я научился давным-давно; теперь уже и не помню, с какой стати мне тогда приспичило срочно освоить это злодейское искусство, на практике я его всего пару раз применял, только в самых исключительных случаях.

Поразмыслив, я решил, что нынешний случай и есть исключительный: если я прямо сейчас мученически лопну от любопытства, кучу народу подведу.

…Поэтому несколько минут спустя Малдо Йоз, основатель и глава сообщества Новых Древних архитекторов, возродивший и усовершенствовавший старинные техники магического строительства, осчастлививший кучу жителей Ехо отличными домами, а ценителей искусства – невиданным разнообразием форм этих самых домов, и сделавший столицу Соединенного Королевства центром паломничества любителей прекрасного, которые приезжают к нам даже с других континентов специально чтобы поглазеть на его Дворец Ста Чудес, сидел в моем кресле тихий, печальный, помятый, но уже на диво вменяемый,

опустошивший примерно ведро воды, кружку камры и рюмку бодрящего бальзама Кахара, который способен поднять мертвеца из могилы. И Малдо худо-бедно из нее приподнял.

– Неприятная штука это твое протрезвляющее заклинание, – наконец сказал Малдо. – Я дал себе честное слово, что до завтра не стану думать обо всем этом ужасе. И, надо сказать, преуспел, хотя до сих пор был уверен, что столько даже на спор не выпью. Но тут появился ты, и все пошло прахом. Вечно с тобой так.

– Справедливости ради, это не я появился, а ты, – заметил я. – Ты сам сюда пришел, добровольно, своими ногами. И заодно руками. И даже отчасти брюхом. Чем смог, тем и пришел. Но совершенно точно без посторонней помощи и приворотной магии, сам.

– Я даже понимаю почему, – вздохнул Малдо. – Очень хотел с тобой посоветоваться. Но не сегодня. Завтра с утра. Ну что ты на меня теперь зверем смотришь? С твоего утра, а не с общечеловеческого. Я себе не враг.

– Почему сразу «зверем»? Просто прикидываю, что за совет тебе от меня понадобился. И как-то не могу сообразить. Но если ты хотел спросить, можно ли отказаться от этого ужасного Королевского заказа без каких-либо неприятных последствий, у меня хорошая новость – можно. Король огорчится, но никаких проблем у тебя в связи с этим не будет. Он не мстительный человек.

– Отказаться? – переспросил Малдо. – От Королевского заказа? Я?! За кого ты меня принимаешь?!

Судя по его тону, от физической расправы меня спасла не репутация зловещего демона, изгнанного из им же самим созданного ада за избыток демонического энтузиазма, и даже не дружеские чувства великого архитектора, а только то печальное обстоятельство, что подняться с дивана без посторонней помощи он пока не очень-то мог. Хотя гнев явно пошел ему на пользу: глаза засверкали, лицо разрумянилось, руки почти перестали дрожать. Еще пара-тройка бестактных реплик, унижающих его профессиональное и человеческое достоинство, станет как новенький. И тогда, можно не сомневаться, все-таки даст мне в глаз.

Но драться я не особо люблю. Поэтому поспешно сказал:

– Извини. Не то чтобы я действительно думал, будто ты можешь струсить и добровольно отказаться от интересной работы. Но откуда я знаю, вдруг он как раз совершенно неинтересный, этот Королевский заказ? Или, скажем, его беспрекословное исполнение поставит крест на твоей репутации свободного художника? А то с какого бы горя ты так нажрался, что не стоял на ногах.

Малдо сразу заулыбался и отрицательно помотал головой.

– Нет, что ты. Не с горя. Наоборот, на радостях. Хотя и от ужаса тоже. Ты знаешь, что к нам едет шиншийский великий халиф?

– Теперь знаю. Хотя очень трудно в такое поверить. Он же, я слышал, почти чистокровный кейифай, только одна пра-прабабка была откуда-то чуть ли не из Чирухты…

– Не пра-прабабка, а прадед, – поправил меня Малдо. – И не из Чирухты, а наш, хонхонский. Простой иррашийский моряк, даже не капитан, а боцман, или что-то вроде того. Зато красивый, как закат над пустыней Хмиро, по крайней мере, так пишут в своих хрониках сами шиншийцы; надеюсь, это не означает, что рожа у него была красная, как тамошнее небо. А впрочем, почему бы и нет. Факт, что в этого моряка по уши влюбилась старшая сестра тогдашнего халифа и уговорила остаться жить в ее дворце, со всеми вытекающими последствиями. Внук одного из последствий – нынешний шиншийский великий халиф.

– Ясно, – кивнул я. – Собственно я почему так удивился: однажды нас с сэром Кофой угораздило попасть на личный прием к куманскому халифу Нубуйлибуни Цуан Афии[1 - Об этом визите рассказывается в повести «Сладкие грезы Гравви».]. Тот тоже почти чистокровный кейифай. И оказалось, что присутствие посторонних людей для него практически невыносимо. Нас специально предупредили, что все мало-мальски сильные чужие эмоции причиняют халифу почти физическую боль. Поэтому рядом с ним позволено находиться только специально обученным беспредельному спокойствию слугам. Правда, наше с Кофой присутствие халиф кое-как вытерпел. Очень уж ему было интересно посмотреть угуландские фокусы, все-таки это в Уандуке редкое зрелище, так далеко от Сердца Мира мало кто из наших способен колдовать. Но задержись мы в гостях подольше, бедняга халиф слег бы с мигренью или что там у потомков кейифайев вместо нее. А приехать к нам, в столицу Соединенного Королевства, где посторонние люди по улицам толпами носятся, не отказывая себе в

непрерывном смятении чувств, для него стало бы самоубийством. И это не мои домыслы, а мнение специалистов…

– Да, – нетерпеливо согласился Малдо. – Есть такая проблема. Но шиншийский халиф благополучно ее решил, окружив себя специальной свитой из нескольких сотен человек, у которых всегда хорошее настроение или что-то вроде того. Я толком не понимаю, как именно это работает, но работает, факт. Шиншийский халиф любит путешествовать и не отказывает себе в этом удовольствии, весь Уандук объездил со своей свитой и на острове Шихум побывал. Но до Хонхоны он до сих пор ни разу не добирался. Не был уверен, что настолько долгая поездка целиком соответствует его представлениям о приятном времяпрепровождении. Однако услышав про мой Дворец Ста Чудес, захотел увидеть его своими глазами. Он, получается, только из-за меня к нам приедет! Представляешь? Лично я – нет. Просто в голове не укладывается. Но Король мне так и сказал: «Шиншийский халиф вознамерился свалиться на мою голову исключительно по вашей милости. И будет справедливо возложить на вас часть хлопот по его приему». В общем, теперь я должен построить дворец для шиншийского халифа и его свиты. Такой, чтобы там с удобствами разместилось примерно шестьсот человек. И чтобы все они чувствовали себя как дома. Но одновременно содрогались от величия замысла и изумлялись его красоте. И чтобы все – и шиншийцы, и наши, и туристы из какой-нибудь Анбобайры, и даже воины Завоевателя Арвароха, если их принесет нелегкая, – дружным хором твердили, что никогда в жизни не видели ничего похожего на этот дворец. Хотя арварохцам, конечно, в этом смысле совсем несложно угодить…

– Елки. Я бы от такого заказа сбежал на край Мира, – честно признался я.

– Да я бы тоже, – усмехнулся Малдо. – Если бы как ты умел ходить Темным путем. Чтобы завтра же быстро вернуться обратно, пока заказчик не передумал. При этом совершенно не представляю, что я буду делать. И как успею за несчастные три дюжины дней, пока халиф будет до нас добираться. Он, страшно подумать, уже в пути! И где возьму… нет, стоп, заврался, о стройматериалах мне, хвала Магистрам, на этот раз думать не нужно, Его Величество любезно взял эту заботу на себя, весь мусор Соединенного Королевства к моим услугам. Но все остальное – полный конец обеда. Пристрели меня, сэр Макс. Из бабума. Я точно знаю, что ты промажешь, поэтому и прошу.

– То есть ты счастлив? – резюмировал я.

– Естественно! Но все равно в панике. По уму, уже завтра надо приступать к работе, а я даже примерно не представляю, что мы будем строить. Поэтому и хотел с тобой посоветоваться.

Я открыл было рот, собираясь сказать, что я, конечно, великий герой, кто бы спорил, но просить у меня совета в этом деле лучше не надо – если ему хоть сколько-то дороги жизнь, рассудок и судьба современной архитектуры. Особенно она. Но тут Малдо добавил:

– Ты же путешествовал между Мирами. И чего только там не повидал. Может, вспомнишь для меня что-нибудь этакое?

Я призадумался. Потому что в его словах был некоторый смысл. Художникам положено черпать вдохновение в потусторонних видениях и мистических грезах. А я и есть что-то вроде грезы. Хороший, качественный горячечный бред.

– Или даже Магистры с ними, с другими Мирами, – продолжил Малдо. – Ты же своими глазами видел Черхавлу[2 - Черхавла – легендарный зачарованный город в Красной пустыне Хмиро. Разумеется, ее точное местонахождение не известно никому. Черхавлы нет на географических картах. Тот, кто хочет найти Черхавлу, должен доверить свою судьбу красным пескам пустыни Хмиро и полагаться на удачу. Если Черхавла захочет принять гостя, он ее найдет. Если нет, может скитаться в песках хоть столетиями напролет, успеха он не добьется. Подробно о путешествии в Черхавлу рассказывается в повести «Сладкие грезы Гравви».]! А для шиншийцев она – одна из самых главных легенд. Все с детства мечтают ее увидеть, это мало кому удается, но в каждом поколении есть кто-то, кому удалось. Ну или просто врет так удачно, что ему верят. Неважно! Главное, ты-то Черхавлу действительно видел. И сможешь набросать эскиз.

– Последнее, кстати, не факт. Я так давно не пробовал рисовать, что наверняка даже карандаш держать разучился.

– Год назад у тебя получалось, – напомнил он.

– На мой взгляд, не то чтобы… Ладно, Магистры с тобой, нет там ничего особенно сложного. Высокие, узкие, устремленные в небо дома, скорее даже дворцы, белые в темноте, а при дневном свете лиловые, полупрозрачные, как предрассветный туман – вот, собственно, и все. Но только учти, местные жители

объяснили, что Черхавла стала такой, повинуясь каким-то моим неосознанным тайным желаниям. Каждый гость видит ее по-своему, вот в чем беда. А настоящая Черхавла выглядит как лоскутное одеяло, сотканное из бликов света всех мыслимых цветов.

– Ты это сам видел? Или тебе рассказали?

– Сам. После того, как Кофа отвесил мне оплеуху рукой, предварительно омытой в Источнике Боли; такие оплеухи лишают иллюзий – всех сразу, но, как показывает практика, не навсегда. Как мистический опыт это пестрое облако света было вполне ничего, но как архитектурное решение, по-моему, не очень.

– Да, – согласился Малдо. – В лоскутном одеяле из световых пятен вряд ли удобно жить. Я бы, пожалуй, остановился на белых и лиловых дворцах, устремленных в небо. На фоне наших невысоких домов это произведет очень сильный эффект, даже если никто, кроме тебя, не увидит в них сходства с Черхавлой. Хотя это было бы жаль.

– А не хочешь построить шиншийцам невидимый дворец? – спросил я. – У меня тут недавно гостил один… старый приятель. И случайно заколдовал Мохнатый дом: сделал его невидимым. Очень сильное впечатление, когда видишь перед собой пустоту, а наощупь – твердые стены, ступени, дверь, заходишь, а там все на месте.

– Могу представить, – кивнул Малдо. – Но, по-моему, это как-то немного чересчур радикально. Тем более, для шиншийцев. Они к нашей магии не привыкли, им и так все будет в диковинку. А тут еще и ночевать в невидимом доме. У кого хочешь нервы сдадут.

– Ну да, пожалуй, – неохотно согласился я.

– Но слушай! Это же гениально! – вдруг завопил Малдо.

От его пламенного взора можно было прикуривать. Но я упустил момент. Вместо того, чтобы воспользоваться уникальной возможностью прикурить от чужого взгляда, переспросил:

– Что именно гениально?

– Первый этаж! – выпалил Малдо. И повторил, специально для меня, бестолкового: – Первый этаж!

Беда с этими гениями: думают, будто мы, простые смертные, способны уследить за полетом их вдохновенной мысли. А мы – нет.

Впрочем, минуту спустя, он все-таки обрел чудесную способность внятно высказываться. И объяснил:

– Если сделать невидимым только первый этаж, а может быть, два или три – не знаю, потом пойму, как эффектней – это создаст впечатление, будто дворец повис в воздухе. И тогда уже, честно говоря, все равно, как он выглядит. Ну, почти все равно. Летающих дворцов у нас до сих пор не строили; интересно, почему? И как я сам до сих пор не додумался? Это же очень просто – сделать невидимыми нижние этажи.

– Просто? – недоверчиво переспросил я.

– Ну, если надо сделать невидимым уже существующий объект, то не очень, – признал Малдо. – Не факт, что я сам, без помощи смогу. Но если с самого начала его таким строить… слушай, вообще не вижу проблемы. По крайней мере, теоретически. Надо попробовать. Но я заранее уверен… Хотя проверить все-таки надо! Извини, ничего, если я прямо сейчас пойду? Это будет не слишком невежливо?

– Не слишком, – успокоил его я. – В самый раз. Убирайся из моего дома. Отвести тебя на Удивительную улицу Темным путем?

– Вот спасибо! – воскликнул Малдо, вскакивая с дивана. – Сэкономишь мне почти целый час! Заодно дам тебе карандаш и бумагу. Ты же нарисуешь Черхавлу? Можно совсем примитивный эскиз.

– Другого тебе в любом случае не обломится, – вздохнул я, предвкушая грядущий позор. – Ладно, куда деваться. Пошли.

* * *

– Двести тридцать семь шиншийских принцесс, – сказал сэр Кофа Йох. И повторил, словно бы сам себе не верил: – Двести тридцать семь!

После сеанса принудительного рисования мне требовалось забыться, а ужин в обществе сэра Кофы Йоха в этом смысле беспроигрышный вариант. Мы встретились буквально в паре кварталов от Удивительной улицы, в недавно открывшемся, но уже успевшем войти в моду трактире «Прекрасный булбан».

Булбаны – это крупные пауки, обитающие, если я ничего не путаю, на островах Холтари. Что прекрасного может быть в здоровенном пауке, кроме его неспособности покинуть родной остров вплавь, – отдельный вопрос. Однако названное в его честь заведение получилось вполне симпатичное: стены задрапированы веревками, условно убедительно имитирующими паутину, под потолком приветливо сверкают маленькие светильники, зеленые, как паучьи глаза. При этом в тарелки здесь пауков все-таки не подкладывают, даже декоративных. Приятно иметь дело с людьми, знающими меру. Особенно в пауках.

Невзирая на отсутствие пауков в наших тарелках, Кофа мрачнел на глазах.

– Двести тридцать семь – хорошее число, – заметил я. – Не круглое. Лично я круглые числа терпеть не могу.

– Когда речь идет о шиншийских принцессах, двести тридцать семь это очень плохое число, – заверил меня Кофа. – Хорошее число в данном случае может быть только одно – ноль! В идеале, такой специальный заколдованный ноль, к которому ничего нельзя прибавить. Ни на каких условиях. Никогда.

– Будете смеяться, но такой ноль существует, – сказал я. – Не уверен, что в практической жизни, но в математике он есть. Называется «мертвый ноль». Я, собственно, почему знаю: леди Тайяра так иногда ругается. И Базилио научила. Теперь обе бранятся: «Чтоб ему мертвым нулем на краю Мира валяться!» – про потерянный сапог, например… А что такого ужасного в шиншийских принцессах?

– Все! – твердо сказал сэр Кофа Йох, человек, который запросто приятельствует с бывшими убийцами, лесными разбойниками, пиратами, контрабандистами, портовыми нищими, торговцами ядами и даже некоторыми выходцами из старых аристократических семейств. То есть выйти за пределы того, что Кофа считает вполне допустимым, крайне непросто.

– Они избалованы до безобразия, – объяснил Кофа. – Беда в том, что дома, в Шиншийском Халифате, им позволено безнаказанно творить все, что взбредет в головы, как правило, не отягощенные избытком ума, или хотя бы житейского опыта.

– Оно и понятно, – поддакнул я. – Все-таки дочки халифа.

– С чего ты взял? – удивился Кофа. – Откуда бы у халифа взялось столько дочерей? Это же только к нам двести тридцать семь заявятся, а при дворе великого халифа их числится полторы с лишним тысячи.

– Откуда-откуда. Дурное дело нехитрое. Особенно когда в стране, где ты самый главный, практикуется многоженство.

– Полная ерунда. У шиншийцев не то что многоженства или многомужества, а даже обычных в нашем понимании браков нет. Шиншийцы считают, что влюбленные и без всяких дополнительных договоров стремятся быть вместе и заботиться друг о друге, а любые имущественные отношения, включая обеспечение совместного потомства, должен оговаривать не брачный, а сугубо деловой контракт, действие которого никаким образом не связано с наличием или отсутствием взаимной любви. Следует признать, что в некоторых житейских вопросах шиншийцы чрезвычайно мудры.

– Похоже на то, – согласился я. – Но как же?..

– Ты просто перепутал шиншийцев с куманцами, – усмехнулся Кофа. – Для человека, не получившего начального школьного образования, вполне простительно. Но на будущее все же имей в виду: они даже не соседи. Между Куманским и Шиншийским Халифатами пролегает Красная пустыня Хмиро, а это примерно четверть всей территории материка Уандук. И обычаи у них разные. Только и сходства, что и там и там халифат – древнейшая форма правления, которую когда-то на заре времен изобрели хитроумные и очень ленивые

упиаты[3 - Все коренные жители Уандука называются кейифайями (в просторечии «эльфами»). Эта чрезвычайно малочисленная на сегодняшний день раса, отличается от людей не только крайне большой продолжительностью жизни, позволяющей считать их бессмертными (от некоторых видов оружия они умереть могут, однако от старости и болезней – нет), но и множеством других особенностей, которые, в отличие от бессмертия, отчасти наследуют потомки смешанных браков с людьми и крэйями. Однако внутри расы кейифайев существует разделение на упиатов, которые отличаются ярко выраженным стремлением к покою, и чрезвычайно активных, деятельных амфитимайев. В настоящее время в Уандуке живут, в основном, сами упиаты и их многочисленные потомки от смешанных браков, поскольку почти все амфитимайи, в силу своей беспокойной натуры, давным-давно покинули материк, чтобы найти и завоевать новые земли. Поэтому не будет преувеличением утверждать, что потомками амфитимайев заселен практически весь Мир (кроме разве что Арвароха, до которого их корабли так и не добрались).], чтобы организовать себе спокойную праздную жизнь на фоне относительного порядка в окружающих их дворцы практически бескрайних землях.

– Ясно, – кивнул я. – Но согласитесь, логично предположить, что девушки, которых называют «принцессами», являются дочерями халифа.

– Логично, если речь не о шиншийцах. У них все не как у нормальных людей. В частности, «принцесса» – это просто придворная должность. И одновременно почетное звание. Чтобы его получить, всего-то и надо – уродиться человеком, рядом с которым приятно находиться великому халифу Муране Кутай Ан-Аруме. По какой-то непостижимой причине такими людьми обычно оказываются взбалмошные юные девицы, изредка – женщины постарше; впрочем, еще более взбалмошные. Ни мальчишек, ни взрослых мужчин, насколько мне известно, в ближней свите халифа нет и никогда не было. Интересно, почему?.. Между прочим, совершенно напрасно ты так ухмыляешься. Во-первых, кейифайям и их ближайшим потомкам в достаточной степени безразлично, какого пола персона, которую они вознамерились деятельно возлюбить. А во-вторых, эти девчонки – не любовницы халифа, а именно ближняя свита. В буквальном смысле слова ближняя. Всякий раз, когда великий халиф Мурана Кутай АнАрума вынужден встречаться с другими людьми, или просто передвигаться по городу, принцессы окружают его плотным кольцом, вернее, несколькими плотными кольцами. Со стороны это выглядит так, словно девицы водят вокруг него хороводы; своими глазами пока не видел, но говорят, забавное зрелище. В таком окружении халиф прекрасно себя чувствует, даже если неподалеку горюют, ликуют, визжат от

страха и бьются в истерике целые толпы народу. Ничем его не проймешь. Насколько мне известно, до сих пор никому из уандукских ученых, великих теоретиков так называемой «естественной магии неба», не удалось мало-мальски убедительно объяснить этот феномен. Однако он есть.

– Ничего себе, – растерянно откликнулся я. – Тогда понятно, почему этим барышням все разрешают. Я бы на месте халифа тоже стоял за них горой.

– Не сомневаюсь. К тому же, когда принцесса в плохом настроении, она не может исполнять свои обязанности, пока не утешится. А если принцессе придется достаточно долго страдать, она может навсегда утратить свои способности. Такого исхода халиф и его окружение стараются избежать. Принцесс и так недостаточно…

– Полторы с лишним тысячи – недостаточно?!

– Считается, что нет. Принцесс очень берегут, не дают им переутомляться. Поэтому они дежурят при халифе не одновременно, а по очереди. И после примерно полугода регулярных дежурств отправляются в длительный отпуск. Благодаря этим их отпускам, полицейские всех государств Мира содрогаются всякий раз, когда при них упомянут шиншийских принцесс. Любимые развлечения этих девиц – дальние путешествия, мелкий грабеж и пьяные драки. Впрочем, не обязательно пьяные. Драки на трезвую голову тоже подойдут.

– Грабеж и пьяные драки? – недоверчиво переспросил я.

Видывал я девушек с тяжелым характером. Строго говоря, почти исключительно их и видывал, мне на таких везет. Но грабежом и пьяными драками даже мои знакомые девушки занимаются далеко не каждый день. И скорее в силу насущной необходимости, чем ради собственного удовольствия, – это тоже важный момент.

– Ну, справедливости ради, шиншийские принцессы привыкли, что дома им можно брать на рынках и в лавках все, что понравится, халиф потом оплатит любые счета. А что касается драк, девчонки не просто не умеют сдерживать свои чувства, а специально обучены проявлять их без промедления, в любой форме, включая оплеухи и зуботычины. Считается, будто подавление эмоций приводит к страданиям, а страдать шиншийским принцессам не велит

профессиональный долг. Так что их разнузданное поведение вполне объяснимо, но кому от этого легче? Уж точно не ответственным за общественный порядок в тех городах и странах, которые посещают эти красотки. Материальный ущерб от их выходок шиншийские посланники возмещают незамедлительно, безропотно оплачивают любые штрафы, лишь бы хулиганок выпустили из кутузки. Но на деньгах свет клином не сошелся, ущерб, нанесенный нервам, репутациям и чувству собственного достоинства, так просто не возместишь. В общем, от неофициального визита полудюжины шиншийских принцесс, прибывших в поисках невинных развлечений, проблем обычно гораздо больше, чем от целой флотилии укумбийских пиратов, спьяну решивших пограбить рыбацкие лодки в Хуроне. А двести тридцать семь принцесс одновременно камня на камне от Ехо не оставят, попомнишь мои слова.

– Ну все-таки сейчас они будут не в отпуске, а на службе, – заметил я.

– Я тоже сперва этим утешался. А потом навел справки и выяснил, что во время работы им положены дни свободы от, матерей их четырежды прогнать по смрадным болотам, забот. На практике это означает, что пока половина состава водят хороводы вокруг халифа, остальные гуляют по городу и делают, что хотят. Я вот думаю: может быть, мне самому взять отпуск? И уехать куда-нибудь, от греха подальше? Чтобы примерно на четвертый день визита великого халифа Мураны Кутай Ан-Арумы, когда бедняга Трикки загремит в приют безумных, девять десятых личного состава Столичной полиции в ужасе рассеются по окрестным лесам, генерал Бубута, как человек чести, сам отрубит себе голову наградным палашом, и Его Величество официально попросит Тайный Сыск помочь коллегам в нелегком деле борьбы с шиншийскими принцессами, меня уже не было в столице. И желательно вообще в Хонхоне. С другого материка при всем желании быстро не вернешься, а у меня такого желания не будет. Даже намека на желание. Нет, нет и нет!

– Задницу он себе отрубит, – сказал я.

– Что? – изумился Кофа. – Ты о чем?

– Бубута Бох должен отрубить себе задницу, – повторил я. – Отсечение головы, во-первых, мало что принципиально изменит, а во-вторых, просто не его стиль.

– Так и подмывает сказать, что ты сам та еще шиншийская принцесса, – проворчал Кофа. – Но это будет несправедливо по отношению к обеим сторонам. Все-таки ты довольно редко дерешься и без скандалов оплачиваешь счета. А девочки, при всех их недостатках, такую ерунду обычно не говорят. Они вообще довольно немногословны. Зачем зря разглагольствовать, когда можно сразу дать в рыло?

Он залпом допил так называемую «Разбойничью похлебку из лесных ягод и трав», что-то вроде жгучего несладкого компота, которым традиционно начинается и завершается всякая трапеза в «Прекрасном булбане», и внезапно добавил:

– А что касается Бубутиной задницы, попомни мои слова: недолго ей осталось сидеть в кресле генерала Столичной полиции.

Счастье, что к этому моменту я уже благополучно покончил со своей порцией «Разбойничьей похлебки». А то подавился бы от такой новости. Потому что какие бы перемены ни сотрясали в последние годы Соединенное Королевство, но некоторые вещи по-прежнему кажутся мне незыблемыми. Например, небо над головой, бардак в Портовом квартале и генерал Бубута Бох во главе Столичной полиции.

Когда-то сам факт существования этого бестолкового крикуна приводил меня в ярость, но с тех пор утекло много воды – и живой, и мертвой, и просто мокрой речной. С гениальным заместителем в лице Трикки Лая и смягчающими нрав сигарами, которые я периодически добываю для него из Щели между Мирами, Бубута постепенно превратился в идеального начальника полиции: работать больше не мешает, а в качестве объекта насмешек все так же хорош как в прежние годы. Оптимальный вариант.

– Что-то случилось? – наконец спросил я. – Бубута крупно проштрафился, и ему решили припомнить все старые прегрешения разом?

Кофа отрицательно покачал головой и принялся набивать трубку, как он это обычно делает, когда хочет ловко обойти закон о запрете пыток и истязаний и вволю насладиться страданиями любопытного собеседника. Но я человек закаленный, поэтому терпеливо ждал.

– Ничего пока не случилось, кроме того, что Бубута взял отпуск для поправки здоровья и собирается ехать к родне, – наконец сказал он. – Что само по себе невелика новость, у них с леди Улимой родня по всему Соединенному Королевству, и он почти каждый год кого-нибудь навещает. Но готов спорить, что-то интересное уже происходит вокруг Бубутиного кресла. Что именно, сам пока понять не могу, но атмосфера определенно сгущается. Собственно, этого давно следовало ожидать. После того, как Трикки навел порядок в Столичной полиции, должность ее начальника стала казаться привлекательной многим влиятельным людям, прежде брезгливо морщившим носы при виде полицейского в форме. Вопрос, кто попробует хапнуть этот кусок первым, и каким способом будет избавляться от Бубуты? У меня множество идей, но пока никаких фактов. Только чутье. Но обычно ему можно доверять.

– Еще бы! – подтвердил я. – Во всяком случае, я бы с вами сейчас даже на горсть[4 - Горсть – самая мелкая монета Соединенного Королевства. 12 горстей составляют одну коронку, 12 коронок – корону.] спорить не стал.

– Вот и Джуффин не стал, – флегматично кивнул Кофа. – Что само по себе укрепляет мои подозрения. Кеттариец азартен, иногда до смешного, но заведомо проигрышных пари никогда не заключает. Не то у него воспитание, чтобы просто так посторонним людям деньги раздавать.

– У вас чутье, а я, значит, погибай от любопытства, – проворчал я. – Жил себе спокойно, горя не знал, думал, что все тайны Вселенной у меня на ладони, исключая, разве что, кулинарный раздел. И вдруг – оп-па! – начинай все сначала. Добро пожаловать в неведомый Мир, полный неразрешимых загадок и злодеев, претендующих на кресло Бубуты.

– Да почему же непременно злодеев? – удивился Кофа. – Не такое уж великое злодейство – заботиться о своей карьере. И в любом случае почти кто угодно будет лучше Бубуты, при условии, что не рассорится с Трикки. А эта задача мало кому по силам. Трикки Лай очень дружелюбный человек.

– По справедливости, ему и следует возглавлять полицию, – заметил я. – Дураку ясно, что сейчас там все держится на его светлой голове и умении ладить со всеми подряд.

– Это правда. Я бы первым побежал хлопотать о его назначении, причем еще года три назад, если бы не ряд обстоятельств, начиная с законодательства Соединенного Королевства.

– А что не так с нашим законодательством? – удивился я.

– Иностранцам запрещено занимать высшие государственные должности. Всего тридцать четыре, но должность начальника Столичной полиции, к сожалению, включена. А Трикки, сам знаешь, туланец.

– Да ладно! – удивился я. – Тоже мне великая проблема. А то закон при желании нельзя обойти. Я имею в виду, при вашем желании. Очень-очень большом.

Кофе моя уверенность в его возможностях явно была приятна, он даже особо не трудился это скрывать.

– На самом деле, примерно такие же мысли в свое время пришли в голову нам с Кеттарийцем, – признался он. – Тебя Бубута умиляет, я в курсе. И даже отчасти могу понять такое отношение, он и правда довольно смешной. Но сам знаешь, для меня генерал Бох – человек, разваливший работу Столичной полиции, которую я перед этим своими руками создал не просто из ничего, а из того самого «мертвого нуля», изобретенного твоими приятелями математиками. А для Джуффина – шумный дурак, который больше ста лет кряду мешал ему спокойно работать. Иногда довольно ощутимо мешал. Естественно, нам обоим давно хотелось отправить Бубуту в отставку. Просто ради приятной уверенности, что в будущем он больше не станет крутиться у нас под ногами. И когда оказалось, что Трикки справляется с руководством полицией ненамного хуже, чем когда-то я сам, разве только с поправкой на мирное время, мы подумали, что обойти закон – дело вполне возможное. Джуффин собирался поговорить с Королем, благо возраст Бубуты Боха вполне позволяет тихо, без скандала отправить его на пенсию, но в последний момент осознал, что есть гораздо более серьезное препятствие: Трикки Лай не просто иностранец, а, строго говоря, мертвец. Вернее, бывший призрак, чье физическое существование возможно только в непосредственной близости Сердца Мира. Хорош генерал Столичной полиции, который даже в Авалу с инспекцией выехать не способен; об отдаленных провинциях уже не говорю.

– Обидно, – вздохнул я.

– Да не то слово. Но ничего не поделаешь, обстоятельства именно таковы. Ладно, посмотрим, как теперь все повернется. Пока я могу только гадать.

* * *

Домой я намеревался пойти пешком, поскольку точно знаю, что лучше полуторачасовой прогулки на студеном, уже почти по-настоящему зимнем ветру, по границе между светом газовых фонарей и тенью, в которую по ночам превращается город, может быть только двухчасовая прогулка в аналогичных условиях, поэтому следует выбрать не самый короткий маршрут. Я вообще гедонист, а что представления о наслаждениях у меня, по мнению окружающих, довольно своеобразные, дело десятое. Тем более, что упомянутые окружающие сами не дураки наслаждаться разнообразными пытками – вроде решения головоломок, курения ужасающего местного табака или сладкого сна на дне моря. Я со своими вечерними променадами в подметки им не гожусь.

Однако моя прогулка накрылась медным тазом, едва начавшись.

По моему опыту, безудержным наслаждениям чаще всего препятствуют голоса в голове. По крайней мере, если вы живете в удивительном волшебном мире, насквозь пронизанном магией – специально для того, чтобы каждый желающий в любое время суток мог беспрепятственно вторгнуться в ваше сознание и сообщить о каких-нибудь срочных делах.

На этот раз желающей оказалась Базилио. Узнав ее, я встревожился не на шутку. Все-таки она – заколдованное чудовище, а чудовища, по моим наблюдениям, гораздо деликатней людей и прибегают к Безмолвной речи только в самых крайних случаях. А крайние случаи я, положа руку на сердце, терпеть не могу.

Поэтому я сразу спросил: «Что у нас стряслось?», заранее приготовившись к худшему, да так добросовестно, что когда Базилио сообщила: «Просто к нам зашел Трикки», – я, конечно, не умер от облегчения, но на ногах едва устоял. На радостях даже не стал возмущаться: «Ну и какого черта?..», хотя вполне мог бы успеть начать эту фразу прежде, чем Базилио добавила: «Он сегодня какой-то странный. Я его до сих пор таким никогда не видела. Зачем-то обидел собак. И

говорит нелепые вещи, на мой взгляд, совершенно лишенные смысла. Я не знаю, что в таких ситуациях следует делать. Было бы здорово, если бы ты смог прийти».

Я не удивился, но только потому, что удивляться таким новостям в чужом пересказе – напрасная трата времени. Сперва надо самому посмотреть. Но если бы я до сих пор не освоил искусство Темного пути, удивлялся бы всю дорогу. Потому что «странный Трикки» – это нонсенс. Звучит примерно так же абсурдно, как «сухая вода», или «безмозглый буривух». Я видел Трикки Лая в разных житейских ситуациях, включая такие, какие лично меня свели бы с остатков ума. И убедился, что он настолько нормален, рассудителен и уравновешен, насколько это вообще возможно. Даже оторопь временами берет.

В общем, пришлось мне махнуть рукой на прогулку и шагнуть прямо в гостиную Мохнатого дома. От идеального порядка, заботливо наведенного ветром, уже не осталось и следа: видимо, в мое отсутствие вернулись студенты с собаками, устроили привычный умеренный, местами до сильного бардак, после чего благоразумно смылись в неизвестном мне направлении. Теперь в гостиной обретались только Базилио и Трикки Лай. Причем заместитель начальника Столичной Полиции полулежал в кресле, в несвойственной ему манере задрав одну ногу на спинку, а другую на подлокотник; лицо его выражало невыразимое блаженство и, кажется, больше ничего.

Приблизившись, я сразу понял причину его возвышенного настроения: именно так организмы некоторых счастливчиков реагируют на экстраординарное количество спиртного, проглоченного в максимально сжатые сроки. Сам-то я, к сожалению, не из их числа.

– Да что ж за день такой, – растерянно сказал я. – Сначала Малдо приполз на карачках, теперь этот красавец. Сговорились они, что ли? И почему именно к нам? Вроде бы объявлений в газеты о бесплатных знахарских услугах для пьяниц я пока не давал.

– Так он просто пьяный? – обрадовалась Базилио.

– А ты что, по запаху не поняла?!

– Я была совершенно уверена, что это просто одно из новомодных благовоний для одежды. Вот и Малдо очень похоже пах. Сейчас вообще очень популярны разнообразные ароматы еды, начиная от запаха горячего пирога с вареньем и заканчивая старым козьим сыром; в Университете на лекциях пахнет, как в трактире. Или как на помойке, зависит от сочетаний: кто с кем рядом сел… Мне даже в голову не пришло, что Трикки может просто взять и напиться. Как-то это на него совсем не похоже.

– Мы все время от времени оказываемся способны удивить тех, кто нас хорошо знает, да и самих себя за компанию, – заметил я. – Это не всегда по-житейски удобно, но, по большому счету, неплохо…

Подобные рассуждения Базилио слышала от меня уже тысячу раз: я завожу эту шарманку по всякому поводу. Ничего удивительного, что она перебила меня, не дослушав.

– Так значит, это скоро пройдет? Было бы здорово. А то Трикки грозился отправить собак чистить хвостами сортиры; они обиделись и ушли в направлении кухни, наверное, жалуются сейчас поварам. Я и сама немножко обиделась, хотя понимаю, что это шутка. Но обычно Трикки шутит совсем не так.

– Ты со своим начальством, что ли, надрался? – спросил я. – А к нам пришел показать, как он тебя научил ругаться? Спасибо, друг. Я когда-то был крупным специалистом по Бубутиной лексике, но с тех пор многое подзабыл.

Трикки наконец-то вышел из нирваны, в которой до сих пор пребывал. И заметил меня. В связи с чем чрезвычайно оживился и произвел ряд хаотических телодвижений, очевидно, свидетельствующих о его намерении подняться мне навстречу; впрочем, первая попытка не удалась, а от следующих он благоразумно воздержался.

– Из какого дерьма ты вылез? – приветливо спросил он. – Где шлялся? Я тебя по всему городу искал.

– А почему зов не прислал? – удивился я.

– Да вот как-то не получилось, – признался Трикки и печально развел руками; одной при этом так сильно стукнулся об угол стола, что я невольно поморщился,

представив, как это должно быть больно. Но он, похоже, даже не почувствовал.

– Очень пьяным людям Безмолвная речь обычно не дается, – подтвердила Базилио.

– А ты откуда знаешь? – встрепенулся Трикки. – Тебе не положено. Рано еще!

На мой взгляд, так ставить вопрос не следует – ни с детьми, ни с чудовищами, вообще ни с кем. Потому что любое разумное существо, услышав: «Тебе не положено», – тут же мысленно скручивает перед носом строгого ментора кукиш и начинает прикидывать, с какой бы стороны этот запретный плод надкусить.

Но ангельская природа Базилио сделала свое дело. Вместо того, чтобы немедленно развязать борьбу за свои гражданские права, она только плечами пожала.

– Мне рассказывали. Недавно как раз был случай: несколько девчонок с факультета истории решили отпраздновать зачисление в Университет и, как говорится, несколько увлеклись. Все бы ничего, но под утро их родители дружно побежали в полицию, потому что всю ночь пытались послать дочкам зов, а те не откликались. Решили, что они мертвые или без сознания, ужасный был переполох.

– А. Пропавшие студентки. Было такое. Помню. Мы их сразу нашли, – кивнул Трикки. Глаза его на миг обрели осмысленное выражение, но он тут же, блаженно улыбнувшись, их закрыл.

Во мне внезапно проснулся гуманист, возможно даже великий, из тех, кому благодарное человечество посвящает целые главы учебников, предварительно зверски замордовав. Только этим объясняется, что вместо того, чтобы спрятать пьяного гостя в пригоршню и забыть о нем до завтрашнего утра, я спросил:

– Тебя спать уложить? Или домой доставить? Или протрезвить и заказать ужин? Выбирай.

– Трезвить не надо, пожалуйста, – сонно пробормотал он. – Нельзя мне домой и ужинать. Потом. Сперва я должен… Дырку в небе над этим дерьмовым сортиром,

что же я должен?.. А, точно. Я должен кое-что тебе рассказать. Страшную тайну. Такую страшную, ты не поверишь…

На этом месте Трикки вдруг расхохотался, да так неудержимо, что сполз с кресла на пол, попытался подняться, драматически запутался в своих ногах, ножках стола и кресла и какое-то время беспомощно барахтался, как перевернутый на спину краб, а потом устал и затих. По идее, надо было бы ему помочь, но я, каюсь, зачарованно наблюдал за процессом – когда еще такой цирк покажут? А Базилио сейчас беспокоилась совсем о другом.

– Это настолько страшная тайна, что мне следует оставить вас наедине? – наконец спросила она.

Вид у нее при этом был такой несчастный, что я почувствовал себя людоедом, закусывающим заживо проглоченных беззащитных сирот предварительно отобранными у них же конфетами. Хотя вроде бы еще даже не начинал ничего отбирать.

– Да ладно тебе, – сказал я. – Ты здесь уже столько страшных тайн слышала, что еще одна ничего не изменит. Давай лучше попробуем как-то вернуть его в кресло. Не люблю, когда люди по полу разбросаны.

Но у Трикки наша попытка усадить его в кресло не вызвала никакого энтузиазма.

– Да ну вас, не дергайте, и так хорошо, – сонно пробормотал он. – Лучше слушайте, что скажу. Такие дела творятся! Еще никто не знает, кроме меня. На закате я проводил генерала Бубуту Боха на ташерский корабль. Он отчалил. Инкогнито. То есть без бороды. Сбрил ее к лешим, чтобы никто не узнал. И, между прочим, ни одна собака в порту действительно его не узнала. Вот так просто, взял и сбежал. Навсегда.

– Навсегда? Инкогнито?! – недоверчиво переспросил я. – Бубута – и вдруг «инкогнито»? Без бороды? Это как?! И почему он вообще сбежал? От чего? От кого? Что с ним случилось? Или ты шутишь?

– «От чего, от кого», – передразнил меня Трикки. – Ну что ты как маленький. От жены, ясное дело. От кого еще нашему брату бегать. У Бубуты внезапно любовь

всей жизни – то ли ждет его в Ташере, то ли скоро туда приедет, я так и не понял. Но сам Бубута отчалил, это факт.

– Любовь всей жизни?! – изумился я. – Да ладно! Я знаю его жену. Видел их вместе. Такая трогательная пара. Слепой бы заметил, что Бубута ее обожает. Завести роман на стороне – ну, допустим, с кем не бывает. Но сбежать от леди Улимы в Ташер, на край Мира? Навсегда? Не могу поверить. Не может такого быть.

– Любовь творит чудеса! – торжествующе провозгласил Трикки. И захрапел.

– Что вообще происходит? – жалобно спросила меня Базилио. – Я обычно хорошо понимаю Трикки, но сейчас – нет. Почему он напился? Я не раз слышала, что люди, если они не горькие пьяницы, редко напиваются просто так. На радостях, как Малдо? Потому что теперь сам станет начальником полиции? Или наоборот, с горя? Я знаю, что они с генералом Бубутой Бохом неплохо ладили, но никогда бы не подумала, что Трикки будет о нем горевать. Или ему леди Улиму стало жалко? И стыдно, что помог ее мужу сбежать? Я леди Улиму ни разу не видела, но рассказывают, она чудесная женщина…

– Да, очень славная, – растерянно согласился я. – Никогда не мог понять, за что Бубуте такое счастье; с другой стороны, в молодости он, наверное, был обаятельный. К тому же Королевский гвардеец, не индюк чихнул… А может, Трикки все выдумал? Спьяну иногда чего только не городят. Ладно, выдумал или нет, потом разберемся, но сплетню в любом случае надо срочно пересказать Джуффину. Грех это – такой радости человека лишать.

«Что за нелепая шутка? – спросил сэр Джуффин Халли. – Даже для тебя перебор».

Однако вместо того, чтобы послать меня в приличествующем случаю направлении, он незамедлительно материализовался в одном из кресел – как был, в домашнем лоохи, с кружкой в руке. Мгновенно оценил обстановку, и удивленно присвистнул:

– Надо же! Думал, у тебя внезапно начались мистические видения, но нет. Трикки действительно валяется под столом. Что само по себе совершенно

выдающееся событие. Имело смысл приходить, чтобы увидеть это своими глазами. Никому другому не поверил бы…

– И мне бы не поверили? – искренне огорчилась Базилио.

Шеф Тайного Сыска ненадолго задумался, наконец серьезно ответил:

– Тебе, пожалуй, поверил бы. На твое слово можно положиться. Но все равно некоторые вещи лучше увидеть самому, чем четырежды услышать в пересказе даже самых надежных свидетелей.

– Это точно, – подтвердил я. – Сам не поверил бы, если бы не увидел. И не услышал своими ушами: «Из какого дерьма ты вылез?» – вместо «привет». А потом – историю про Бубуту, который, если верить этому красавцу, сейчас без бороды, зато под всеми парусами несется в Ташер к возлюбленной.

– А протрезвить его и расспросить по-человечески не догадался? – укоризненно спросил Джуффин.

– Да просто жалко стало, – объяснил я. – Причем не столько Трикки, сколько невероятной картины реальности, которую он передо мной развернул. Не знаю, как ты, а я не прочь лишние десять минут пожить в удивительном мире, где творятся настолько невообразимые вещи. Будет жалко, если выяснится, что это обычные пьяные бредни. Бритый Бубута убегает к возлюбленной. Инкогнито, под покровом ночи! И почему-то в Ташер. Даже не знаю, что может быть прекрасней. Хоть поэму пиши.

– Постарайся, пожалуйста, воздержаться от создания крупномасштабных поэтических произведений, – попросил Джуффин. – Такие крайности ни к чему.

На этом месте он наконец-то рассмеялся. Впрочем, веселье не помешало шефу Тайного Сыска подойти к Трикки Лаю и легонько щелкнуть его по лбу. После чего тот, конечно, сразу подскочил, как миленький. И растерянным, но совершенно трезвым голосом спросил:

– Это вы почему?.. Что случилось? Я что-то ужасное натворил?

– Пока не знаю, – ответил ему Джуффин. – И очень рассчитываю на твой подробный отчет.

Вид у Трикки был настолько несчастный, что я решил его успокоить:

– Вроде бы ничего выдающегося. Просто надрался до состояния ослепительной задницы, пришел к нам в гости, зачем-то оклеветал своего начальника и мирно уснул под столом.

– И очень обидел собак! – вставила Базилио. – Велел им драить сортиры своими хвостами. А они, в отличие от людей, шуток не понимают. Особенно таких грубых.

Но Трикки ее не слушал, он вытаращился на меня.

– «Оклеветал своего начальника»? Что я о нем сказал?

– Что Бубута сбежал в Ташер – то ли к своей возлюбленной, то ли вместе с ней.

– Ага. Значит, я все-таки проболтался, – заключил Трикки. – Как последний мерзавец и негодяй.

И пока я пытался осмыслить услышанное – это что же получается, все правда?! – он спокойно добавил:

– Значит, сработало. Мне очень стыдно, но по большому счету, я рад.

– Что сработало?! – хором спросили мы с Джуффином.

– Чему ты рад? – добавил я, уже соло.

Зато Базилио поняла его с полуслова:

– Так ты специально напился, чтобы проболтаться? Вроде все рассказал, и при этом не очень-то виноват, потому что не соображал, что делаешь? Здорово придумал!

На самом деле в ее проницательности нет ничего удивительного. Все-таки Трикки – ее создатель. Чудовище, которым Базилио раньше была, появилось на свет именно в результате его ворожбы. Не намеренно, по ошибке, но это ничего не меняет – в том смысле, что творение похоже на своего творца.

Трикки кивнул.

– Ну да. Я пообещал молчать дюжину дней, пока корабль не удалится от берегов Соединенного Королевства на расстояние, по мнению сэра Боха, достаточное, чтобы никто не смог его догнать и вернуть домой силой. Боюсь, он не совсем правильно представляет себе возможности магии, сам-то он в ней не силен. И одновременно несколько переоценивает значительность своего побега. Он же и правда уверен, что вы с Королем захотите вернуть его любой ценой и немедленно снарядите погоню. Поэтому официально оформил отпуск для поправки здоровья. А жене сказал, что едет к дальней родне в графство Вук, дышать горным воздухом; родня тоже оповещена, готовится к встрече. Правду, по его замыслу, все должны узнать только через дюжину дней. А я, пьяный дурак, раньше времени проболтался. Стыд и позор.

Мы с Джуффином молча переглянулись. На лице шефа было написано откровенное изумление. Не будь это сэр Джуффин Халли, я бы сказал, что он совершенно сбит с толку. Но репутация есть репутация, поэтому, будем считать, шеф просто очень удивился, и все.

– Я твердо пообещал хранить молчание, – продолжил Трикки. – К счастью, обошлось без специальных магических ритуалов, благо генерал Бох в этих делах не разбирается. Но я обычно держу слово, и он это знает, все-таки не первый год работаем вместе. В то же время я не хотел бы с вами рассориться, утаив такой важный секрет. Поэтому прибегнул к проверенному средству: пошел в ближайший трактир и напился там до потери памяти. Это оказалось несложно, после двух бессонных ночей кряду я пьянею почти мгновенно. На то и был мой расчет: выпив, я обычно делаюсь крайне болтлив. В юности несколько раз нарывался на такие неприятности, что до сих пор вспоминать неохота. Но в некоторых случаях из этого недостатка можно извлечь определенную пользу. Вот как сейчас.

– Ну ты… стратег, – наконец вымолвил я.

– Строго говоря, не стратег, а тактик, – поправил меня Джуффин. – Впрочем, небезупречный. Для стопроцентной гарантии результата следовало бы напиться прямо здесь, чтобы не начать трепаться еще в трактире, осчастливив интересными новостями всех, кого они не касаются – кроме, собственно, нас.

– Вы правы, – согласился Трикки. – Но это выглядело бы как совсем уж явное намерение нарушить обещание. А моя совесть готова не на любой компромисс. К тому же, если бы я проболтался про Бубутин побег в трактире, об этом еще до утра узнал бы сэр Кофа – тоже неплохой результат. Но там я, кажется, все-таки не… Хотя не буду врать, не помню. И как сюда добирался, понятия не имею. Даже удивительно, насколько полный провал. Обычно все-таки хоть какие-то фрагменты запоминаются.

– Ты сказал, что искал меня по всему городу, – напомнил я.

– Ну мало ли, что я сказал, – невольно улыбнулся Трикки. – Зная себя, догадываюсь, что просто бродил по улицам и озирался по сторонам в полной уверенности, что сейчас ты откуда-нибудь появишься – если уж мне так сильно надо! Когда я пьян, мне кажется, что весь Мир должен плясать под мою дудку. А он почему-то не пляшет. Обидно, но это так.

– Иногда все-таки приплясывает, – утешил его Джуффин. – Буквально несколько па, но большей любезности нам всем от Мира вряд ли следует ждать. А теперь давай, рассказывай по порядку. Если уж все равно проболтался о главном, нет смысла скрывать подробности.

– А если совесть не позволяет, мы можем начать тебя пытать, – встрял я. – У моих поваров всегда наготове камра, сваренная по традиционному дворцовому рецепту. Принести или так расколешься?

– На самом деле я бы не отказался, – признался Трикки. – Вы все эту камру ругаете, а мне она очень нравится. Я все-таки совсем не гурман.

Ну, в общем для человека, который самой вкусной вещью на свете считает рыбный торт со взбитым сладким кремом, вполне ожидаемое признание. Готов спорить, разделяющая его страсть к рыбным тортам Базилио тоже эту кошмарную камру каждое утро тайком у себя в кабинете пьет. Что, кстати, объясняет, почему наши повара упорствуют в своей кулинарной ереси: Базилио

их любимица, а все остальные мнения, начиная с моего и заканчивая моим же, не в счет.

– Четыре дня назад генерал Бох попросил меня приехать к нему домой, – начал Трикки, получивший в свое распоряжение полный кувшин камры и рюмку бодрящего бальзама Кахара от моих щедрот. – Ничего необычного в этой просьбе не было. Он, сами знаете, не каждый день посещает Дом у Моста.

– Это еще очень мягко сказано, – заметил Джуффин. – В последний раз, если не ошибаюсь, Бубута осчастливил нас своим появлением в самом начале осени, да и то только по случаю визита Королевского Мастера Проверяющего Прискорбные Сведения – когда горожане от испорченных благословлений стали чудить, и в соответствующую Королевскую канцелярию посыпались жалобы на плохую работу Столичной Полиции.

– Именно так, – кивнул Трикки. – На самом деле я глубоко благодарен генералу Боху за столь вопиющее пренебрежение служебной дисциплиной. Поначалу, когда я только стал его заместителем, работать было довольно непросто, потому что, с одной стороны, я обязан беспрекословно выполнять приказы начальства. А с другой, приказы эти были, по большей части, такого свойства, что их исполнение могло привести только к возникновению новых проблем. Сами помните, сколько раз я обращался к вам за помощью в поисках компромиссов, пока не научился утаивать от генерала Боха практически весь рабочий процесс, кроме совсем уж пустяковых дел, в которых при всем желании особо не напортачишь. Таким образом, мой начальник постепенно привык, что от него больше не требуется никаких усилий, все происходит как бы само собой. И ему это понравилось. У него открылось настоящее призвание к праздности, такой удачи я даже не ожидал.

– «Призвание к праздности», надо же! – восхитился я. – Какой удивительный, редкий талант!

– На самом деле действительно редкий, – совершенно серьезно подтвердил Трикки Лай. – Многие люди мечтают о полной праздности, но мало кто способен искренне ею наслаждаться. Быстро начинают нервничать и скучать. Я, собственно, сам такой. Ты – тем более. Пожалуй, еще и похуже.

– Гораздо хуже, – со знанием дела подтвердил сэр Джуффин Халли. – Но вас обоих обсуждать неинтересно: вы пока не то что в Ташер, а даже на Муримах какой-нибудь с любовницами не сбежали. Жалкие, ничтожные личности. Про Бубуту давай. Позвал он тебя четыре дня назад, и что?

– И взял с меня честное слово молчать обо всем, что услышу. Сказал, для него это вопрос жизни и смерти. И выглядел при этом так, что я ему сразу поверил.

– Как это он выглядел? – нахмурился Джуффин.

– А вы его в последнее время не видели? Хотя и так ясно, что нет. Генерал Бох с начала осени похудел практически вдвое. И – трудно объяснить, как такое возможно, но факт остается фактом – одновременно помолодел и постарел. Глаза сияют, а руки трясутся. Скулы обтянуты, щеки обвисли. И подобные противоречия вообще во всем. Я подозревал, он тяжело болен, но с расспросами не лез. Не мое это дело; если сочтет нужным, расскажет сам. Но оказалось, не болен, а просто влюблен без памяти. Что многое объясняет, хотя само по себе объяснению не поддается. Не такого он склада человек, чтобы терять голову от любви – так мне, по крайней мере, казалось. Я привык думать, что хорошо разбираюсь в людях, просто в силу профессионального и житейского опыта. Но теперь сомневаюсь, что это так.

– Правильно делаешь, что сомневаешься, – усмехнулся Джуффин. – Я, знаешь ли, сам стараюсь почаще сомневаться в собственной проницательности. Можно сказать, насильно заставляю себя сомневаться, вопреки очевидным фактам – просто чтобы форму не терять… Ну и что было дальше?

– Генерал Бох попросил меня договориться с каким-нибудь капитаном о срочном отъезде в Ташер. Сказать, что хлопочу за своего земляка, то есть приезжего из Тулана. Заодно раздобыть для него нашу одежду и дорожные сумки, чтобы выглядеть настоящим туланцем. Говорил, что желает уехать инкогнито, часто повторял это слово, с таким, знаете, совершенно детским удовольствием, как будто недавно его узнал.

– Готов спорить, так и есть, – невольно улыбнулся я.

Джуффин скорчил зверскую рожу – дескать, не перебивай.

– Найти одежду и сумки было проще простого, – продолжил Трикки. – Договориться с ташерским капитаном ненамного сложней. Для моряков вполне обычное дело брать на борт пассажиров. И отплыть на несколько дней раньше, чем планировалось, за дополнительную плату согласится почти любой капитан. Дело сладилось, генерал Бох был счастлив и готов слушаться меня во всем. Он, понимаете, считает меня бывалым путешественником – только потому, что я однажды приехал сюда из Тулана. С другой стороны, скромный опыт, конечно, лучше, чем совсем никакого, в этом смысле он правильно сделал, что обратился ко мне.

– Удивительно, как ловко ты все это провернул, – сказал Джуффин. – Ни сплетен, ни слухов, ни единого намека. Вообще ничего.

– Это было несложно, – скромно сказал Трикки. – Жизнью генерала Боха в последнее время никто особо не интересуется. Услышали, что он собирается ехать в отпуск к родне, поправлять здоровье, и тут же забыли, кого это волнует? А что я ежедневно мотаюсь в порт и разговариваю с капитанами, в этом тоже ничего удивительного: у нас сейчас почти половина всех городских правонарушений происходит именно в порту, так что я весной даже комнату снял в припортовой гостинице, чтобы было где переводить дух. Одна из лучших моих идей за все время работы в полиции: сэкономила мне не меньше сотни часов сна…

– Все равно не сходится, – перебил его Джуффин. – Я Бубутиной жизнью не интересуюсь, да и твоей не особо. Случится что-то из ряда вон выходящее, сам придешь и расскажешь. Но сэр Кофа очень даже интересуется вами обоими. Твоими делами – с профессиональным интересом и готовностью прийти на помощь; Бубутиными, скажем так, с несколько меньшей доброжелательностью. А в последнее время еще и с любопытством. Он уверен, что вот-вот начнется тайная борьба высокопоставленных лиц за кресло начальника Столичной Полиции, и с нетерпением ждет представления. И вдруг Бубутино бегство в Ташер проморгал! И это не кто-нибудь, а Кофа, человек, которому незамедлительно докладывают не то что о таинственных пассажирах, а о каждой птице, слинявшей из столицы Соединенного Королевства на мачте иностранного корабля. Не могу в такое поверить! Единственная правдоподобная версия: Кофа все-таки в курсе, просто мне не сказал. Что в общем вполне простительно: Бубутин побег не угрожает безопасности Соединенного Королевства. Но все равно довольно некрасиво с его стороны.

Трикки Лай окончательно смутился.

– Я не думаю, что сэр Кофа утаил от вас какие-то сведения, – начал он и умолк, явно подбирая подходящие слова. – Просто понимаете… Не то чтобы я всерьез хотел вас всех провести. Но у меня такой принцип: если уж я берусь что-то делать, стараюсь сделать это на совесть. По-настоящему хорошо. И сейчас решил: сперва помогу генералу Боху держать предстоящий отъезд в тайне, а потом сразу напьюсь и все разболтаю. Потому что погоню за ним вы совершенно точно не отправите – зачем бы вам? Но если бы думал, что отправите, подождал бы дюжину дней, как ему обещал. Я почему-то всегда сочувствую влюбленным, хотя сам не особо подвержен этой напасти. А может быть, именно поэтому?..

– Все это понятно, – нетерпеливо отмахнулся Джуффин. – Но речь сейчас не о причинах твоего намерения скрыть от нас с Кофой побег своего начальника, а о том, как тебе удалось его осуществить.

– Ну, просто я попробовал применить заклинание Дриммеха, – признался Трикки. – Под защитой которого наши дела окутываются своего рода туманом и как бы сами собой ускользают от чужого внимания. Не то чтобы я всерьез рассчитывал, что у меня с первого раза получится, но, по-моему, оно возымело некоторый эффект…

– Ничего себе – «некоторый»! – почти возмутился Джуффин. – Сам Кофа Йох ничего не заподозрил, какого тебе еще, к вурдалакам, эффекта?! Но откуда ты вообще узнал о заклинании Дриммеха? Это довольно малоизвестный прием.

«Малоизвестный» – это еще мягко сказано. По крайней мере, лично я о заклинании Дриммеха вообще впервые в жизни услышал. Хотя это, конечно, не показатель: я пока довольно мало знаю об Очевидной магии. Совсем недавно начал всерьез ее изучать, да и то на бегу, по мере необходимости, не давая себе труда запоминать названия, мне и самих заклинаний вполне достаточно, чтобы свихнуться, куда еще дополнительную абракадабру зубрить. В общем, я совсем не эрудит. И, получается, зря. Похоже, очень полезная штука это заклинание Дриммеха. Интересно, сколько еще таких же полезных вещей я по невежеству проморгал?

– Помните, года полтора назад в городе случилась серия интересных квартирных краж, а я с довольно высокой вероятностью вычислил следующую жертву и

устроил засаду в соседнем доме? – спросил Джуффина Трикки. – Вы тогда еще удивлялись, что хозяин мне разрешил. Говорили, он бывший Старший Магистр какого-то Ордена, и считался не особо дружелюбным человеком даже в старые времена?..

– Адрикама Гуйтиблах из Ордена Стола на Пустоши, – кивнул Джуффин. – Помню, ты с ним поладил. Но я даже предположить не мог, что старик возьмется чему-то тебя учить.

– Ну так нам скучно было, – объяснил Трикки. – Мне – сидеть в засаде и ждать, а ему, по-моему, вообще жить, причем уже давно. И тут вдруг такое развлечение – собеседник, которому интересно все, что ты скажешь. Я бы на его месте тоже был очень рад. Воры не торопились, время у нас было, так что сэр Гуйтиблах мне всю свою жизнь в подробностях пересказал. И о магических принципах, лежавших в основе его бывшего Ордена; тут я, каюсь, довольно мало понял, но на всякий случай кивал, всем своим видом выражая полное одобрение. В общем, мы подружились. Я с тех пор его навещаю. Редко, конечно, потому что времени совсем нет. Сэр Гуйтиблах мне очень сочувствует, считает по-житейски наивным молодым человеком, которого надо опекать. И любит давать советы, как выжить среди старых хищников, которые меня окружают…

– В смысле среди нас? – ухмыльнулся Джуффин.

– Ну да. А я не возражаю. Потому что, во-первых, мне кажется, нет ничего оскорбительного в том, что он считает вас с сэром Кофой хитрыми, а меня – не особо. Это просто правда, так и есть. А во-вторых, если я начну спорить, сэр Гуйтиблах меня выгонит. И останется совсем один, а это не дело. Если уж так вышло, что мы подружились, не стоит его бросать.

– Тем более, что он не только ворчит, сочувствует и читает нотации, но и учит тебя по дружбе разным полезным фокусам, о которых из книжек не узнаешь, – кивнул Джуффин. – Это мне понятно. Сам бы постарался не упустить такой шанс. И много ты успел выучить? Заклинание Дриммеха, это я уже понял. Что еще?

– Да так, больше по мелочам, – улыбнулся Трикки. – Мы же правда нечасто видимся, а сложным вещам быстро не научишься. Кроме заклинания Дриммеха сэр Гуйтиблах научил меня узнавать настоящее имя любого человека, каким бы

тот ни назвался, а еще – видеть недавнее прошлое собеседника, заглядывая в его левый глаз. Правда, у меня пока получается отследить максимум последние часа полтора, но сэр Гуйтиблах говорит, это дело практики…

– Ишь ты! – удивился Джуффин. – О таком приеме я, кажется, даже не слышал.

– Это, наверное, потому, что он позаимствован не из Очевидной магии, а из какой-то старинной.

– А, тогда ничего удивительного. Знатоком древней крэйской магии я никогда не был. Считал, от нее в нынешние времена никакого толку, если ты не фермер и не моряк. Получается, ошибался. Покажешь потом, как это делается – с глазом? Очень любопытно.

– Конечно! – просиял Трикки Лай. – В любой момент.

На этом месте Базилио, слушавшая нас, затаив дыхание, не выдержала и восхищенно ахнула. Ее можно понять. Не каждый день сэр Джуффин Халли просит научить его какому-нибудь магическому приему. И когда это вдруг случается, впечатляет куда больше, чем сами по себе чудеса.

– Вот мы тут сидим, а Бубута тем временем удаляется от столицы Соединенного Королевства на крыльях любви, – сказал я, чтобы вернуть присутствующих к реальности. Вернее, к тому безобразию, которое у нас внезапно образовалось вместо нее.

– Предлагаешь догнать его и запереть в погребе, пока не остынет? – усмехнулся Джуффин. – Ты будешь без него тосковать?

– Я-то как-нибудь переживу. А вот он без моих сигар быстро затоскует.

– Сэр Бох перестал курить сигары, – вмешался Трикки. – Даже с собой ни одной не взял. Его возлюбленная не переносит их дым.

– Эту леди можно понять, – согласился Джуффин, невольно поморщившись от воспоминаний о вонючем сигарном дыме.

– Ну ничего себе сила страсти! – изумился я. – Он же без сигар жизни не мыслил.

– Не мыслил, я помню, – кивнул Трикки. – И очень без них страдал, пока тебя не было в Ехо; за несколько лет так и не отвык. Но теперь ему плевать на сигары. И, по-моему, вообще на все. Взял с собой всего пару сотен корон, да и то только после моих настоятельных уговоров запастись деньгами хотя бы на первое время, а ему самому даже в голову не пришло. Написал прошение об отставке, дом, сбережения и положенную ему в будущем Королевскую пенсию распорядился оставить жене, а свой парадный портрет кисти Гальзы Иланы велел продать с аукциона в пользу семей полицейских, погибших при исполнении служебных обязанностей… Я, как вы понимаете, не только своими глазами читал его письма, но и помогал их составлять. Честно говоря, больше похоже на завещание умирающего, чем на распоряжения беглеца, которому предстоит строить новую жизнь с возлюбленной. Обычно в его положении стараются оттяпать у бывших супругов побольше, чтобы было чем счастливое будущее оплатить.

– Околдовали его, что ли? – вздохнул я.

– Очень на то похоже, – согласился Джуффин. – Ну, скоро мы об этом узнаем. Максимум через полдюжины дней.

– Почему через полдюжины? – хором спросили мы с Трикки.

– Сами подумайте. По описанию, очень похоже на действие какого-нибудь угуландского приворотного зелья. От уандукских так внезапно с ума не сходят, а человека без единой капли кейифайской крови ими вообще не проймешь. Что касается Чирухты, извини, сэр Трикки, но при всем моем уважении, твои земляки в этом деле вообще ни в зуб ногой.

– Обижаться тут не на что, – улыбнулся Трикки Лай. – С приворотными зельями у нас и правда не очень. По-моему, это только к лучшему. Жизнь и так штука сложная, а если еще и в постели жульничать… Нет, я не согласен! Ну ее в болото, такую любовь.

– В целом твоя позиция представляется мне разумной, – кивнул Джуффин. – Но население Соединенного Королевства борется за личное счастье всеми доступными ему средствами, не интересуясь нашим с тобой мнением на сей

счет. Так что, скорее всего, Бубуту приворожили чем-нибудь нашим, местным, благо выбрать есть из чего. А значит, чары благополучно развеются, как только их жертва удалится на достаточное расстояние от Сердца Мира. Тогда он спохватится, поймет, что наделал, и потребует развернуть корабль назад. Не знаю, согласится ли капитан, но на его месте я бы, пожалуй, повернул. Ну или вышвырнул бы скандалиста за борт – зависит от обстоятельств. В смысле предлагает пассажир удвоить оплату, или только призывает на мою голову большой небесный сортир.

– То есть сэр Бох еще может вернуться? – опешил Трикки.

– Скорее всего, именно так и будет, – кивнул Джуффин. – Ставлю корону, что и полудюжины дней не пройдет, как он пришлет тебе зов и попросит сжечь все свои письма. А заодно придумать, как ему теперь объясняться с женой.

Самое поразительное, что Джуффин эту корону проиграл.

Прошла назначенная им полудюжина дней, потом еще столько же, и генерал Бубута Бох действительно прислал зов своему заместителю, но только затем, чтобы напомнить: «Пора передавать мои письма Улиме и Королю». А больше он не сказал ни слова: людям, далеким от практической магии, на таком расстоянии от Сердца Мира Безмолвная речь дается с огромным трудом.

За это время Бубута успел стать нашим героем. Ни о ком мы столько не говорили в те дни, как о нем. Не то чтобы собирали ради него специальные совещания, но этого и не требовалось, любая наша встреча, включая рабочие, как-то незаметно превращалась в очередной обсуждение Бубутиного романтического побега. Мы, конечно, над ним смеялись, но с совершенно иной, чем прежде, почти уважительной интонацией. Теперь мы за него болели. Хотели, чтобы Бубута не просто так сгинул на краю Мира, а получил за свою безрассудную выходку какой-нибудь суперприз от судьбы.

Отсюда, вероятно, можно вывести простое в формулировке, но трудновыполнимое на практике правило: хочешь стать кумиром Тайного Сыска, соверши невозможное – то, чего от тебя никто не ждет. Кратчайший путь к нашим сердцам лежит через когнитивный диссонанс; впрочем, если я произнесу эту формулу вслух, сэр Джуффин Халли потребует, чтобы я прекратил грязно

браниться, сэр Мелифаро умеренно достоверно изобразит шокированную непристойностью школьницу, леди Кекки Туотли выдаст в ответ пару-тройку свежайших портовых ругательств, а сэр Шурф, если бы, как в старые времена, присутствовал на наших совещаниях, непременно записал бы «когнитивный диссонанс» в тетрадку.

Впрочем, он и так записал, просто гораздо раньше, в ходе личной беседы. И, подозреваю, теперь запугивает этим угрожающим выражением буйных юных послушников Ордена Семилистника, когда ситуация требует по-настоящему суровых мер.

* * *

– Ну теперь начнется веселье, – сказал сэр Джуффин Халли.

Трикки Лай молча кивнул.

– На веселье я бы не особо рассчитывал, – заметил сэр Кофа Йох. – Потому, что на этот раз оно происходило без нашего с вами участия. И уже практически завершилось. Можно, конечно, вмешаться на текущем этапе, просто из принципа…

– Да ни в коем случае! – воскликнул Джуффин. – Знали бы вы, чего мне стоило все это время держать себя в руках и ни во что не вмешиваться. Некоторые процессы надо, по мере возможности, пускать на самотек. Жизнь, целиком взятая под контроль, без сюрпризов и неожиданностей, становится невыносимо пресной. Лично я такое не ем.

– Мне, как человеку практическому, по-прежнему непросто согласиться с вашей точкой зрения, – хмыкнул Кофа. – Но как ни странно, в данном случае меня совершенно устраивает итог нашего с вами невмешательства.

– Так вы уже знаете имя нового начальника Столичной полиции? – обрадовался Джуффин.

– Скажем так, догадываюсь.

– Было бы очень любезно с вашей стороны выступить в роли пророка и предсказать нам ближайшее будущее.

– Ладно, – великодушно кивнул Кофа. – Сейчас предскажу.

В такие моменты Кофа обычно начинает набивать трубку – ради удовольствия потянуть паузу. Но на этот раз трубка оказалась некоторым излишеством, в ее роли отлично выступил я. В смысле эти трое наконец-то заметили, что я заглядываю в окно кабинета с улицы.

Раньше для этого мне пришлось бы подпрыгивать, цепляться за подоконник, подтягиваться на руках и вместо приветливой улыбки предъявлять присутствующим выпученные глаза и побагровевшие от натуги щеки. Но на то и Очевидная магия, чтобы не истязать себя спортивными упражнениями, а просто аккуратно воспарить над землей – примерно на полметра, больше не надо, не такие уж высокие у нас подоконники, да и рост у меня вполне ничего.

– Ты за нами шпионишь? – наконец спросил сэр Кофа. – Хорошее дело. Если уж на тебя по какой-то нелепой причине не действуют защитные барьеры господина Почтеннейшего Начальника, глупо было бы не постараться извлечь из этого обстоятельства практическую пользу. Но мой тебе совет: в следующий раз попробуй подслушивать, предварительно став невидимым. Тогда твое присутствие будет не так сильно бросаться в глаза.

– Если я стану невидимым, вы меня все равно учуете, – возразил я. – Но из чувства такта, чего доброго, не подадите виду, просто чтобы не огорчать. И не предложите зайти в кабинет целиком и, например, выпить камры. И что мне тогда, за свой счет в «Обжоре» ее пить? В полном, трагическом одиночестве? Нет, не пойдет.

– А просто через дверь зайти тебе в голову не приходило? – осведомился Джуффин. – Не было пока такого, чтобы я силой тебя не пускал.

– Через дверь я в твой кабинет каждый день по несколько раз захожу. Не хочу показаться занудой без капли воображения. Мне и так стыдно, что до сих пор не сбежал ни в какой Ташер.

– Это вполне простительная слабость, – утешил меня шеф Тайного Сыска. – Мы сами, как видишь, тоже пока никуда не сбежали. Не нам тебя упрекать.

– На самом деле за последние четверо суток ты к нам через дверь еще ни разу не заходил, – строго сказал буривух Куруш. – Выходить – выходил, было дело. А входил этим вашим нелепым человеческим Темным путем, внезапно возникая из ниоткуда, в общей сложности одиннадцать раз.

Никогда не привыкну к тому, что он даже такую ерунду замечает и тщательно подсчитывает. И запоминает. Навсегда, как и любую другую информацию. Я бы на его месте давно чокнулся. Впрочем, я-то не буривух.

– Ты все-таки давай или туда, или сюда, – проворчал Кофа. – А то устроил балаган.

В глубине души я был с ним совершенно согласен. Мне бы самому не понравилось такое вмешательство в разговор в тот самый момент, когда я собрался рассказать что-то важное. Положа руку на сердце, мне бы добрая половина собственных выходок не понравилась, причем настолько, что будь меня двое, в живых остался бы только один. Но меня окружают удивительные люди, даже не поколотили ни разу. Наоборот, регулярно кормят и предлагают заходить еще. И выглядят вполне довольными своей непростой судьбой. Видимо, я послан им не то в утешение, не то в наказание за отсутствие наглых домашних котов. Кроме меня кошек в городских квартирах здесь никто не держит, только на фермах, где их разводят исключительно ради шерсти, как овец.

– Леди Кайрена Умата, – торжествующе сказал сэр Кофа после того, как я скромно разместился с кружкой камры в самом углу подоконника, всем своим видом демонстрируя несгибаемое намерение в ближайшие четверть часа не очень сильно мешать.

Мы с Трикки Лаем удивленно переглянулись. «Ты тоже не знаешь, кто она такая?» – читалось в его взгляде. И, уверен, в моем.

Зато Джуффин зыркнул на Кофу с недоверчивым интересом:

– Начальница Дворцового Порядка летней Королевской резиденции Анмокари? А почему вы думаете, что именно она?

– Леди Кайрена Умата с самого начала была номером первым в моем списке возможных кандидатов на Бубутино кресло. Она уже давно заскучала на своей нынешней должности. При этом Король очень высоко ее ценит. И, справедливости ради, не зря. В свое время леди Кайрене удалось сделать летнюю резиденцию безопаснейшим местом в столице, не вводя ни единого дополнительного внутридворцового правила, ограничивающего свободу и удовольствия Короля, просто методом тщательного обучения персонала и остроумным применением древних крэйских[5 - Крэйями называются все исконные обитатели материка Хонхона, включая драххов, больше всего похожих на обычных людей, оборотней, гномов, великанов, невидимок и даже говорящие камни. Среди населения столицы Соединенного Королевства, давным-давно перемешавшегося с кейифайскими воинами Ульвиара Завоевателя и многочисленными переселенцами из Чирухты, чистокровных крэйев довольно мало, но в отдаленных провинциях и в других государствах Хонхоны осталось очень много крэйских семейств.] заговоров, в которых госпожа Начальница Дворцового Порядка довольно сильна. Она происходит из старинной семьи, принадлежащей к так называемой «фермерской аристократии», ведущей свой род от крестьян, снабжавших едой Халлу Махуна Мохнатого и его помощников в начале строительства нашей столицы. У семейства Умата даже имеется фамильный герб, изображающий пумбу, пронзенную Королевской походной ложкой; право на него им дает упоминание в одном из фрагментов «Хроник Халлы Махуна», чудом сохранившемся до наших дней: «Сыновья долговязого Уматы, леший их раздери, опять привезли нам три бочки квашеной пумбы; ничего гаже я в свой жизни не ел», – ну или что-то вроде того. Извините, что рассказываю настолько общеизвестные вещи, но мальчики, как я догадываюсь, не обременены избытком знаний об истории раннего периода Соединенного Королевства.

– Я и сам не особо обременен, – признался Джуффин. – Будучи человеком практическим, интересовался в основном, магией того периода. Но и в этой области у меня, похоже, имеются изрядные пробелы. Специальных крэйских заговоров, при помощи которых можно обеспечить дворцовую безопасность, вот так сходу и не припомню. Но верю вам на слово: если леди Кайрене удалось навести порядок в замке Анмокари этими средствами, значит они существуют. В высшей степени любопытная для меня деталь. Продолжайте, пожалуйста.

– Его Величество был – и, собственно, остается – чрезвычайно доволен работой леди Кайрены Уматы. Одно время даже собирался передать под ее охрану замок Рулх, но встретил серьезное сопротивление со стороны не только придворных, ратующих за сохранение старых порядков, но и собственных Сонных Стражей, а с ними нельзя не считаться даже Королю.

– Но если Сонные Стражи против, значит что-то с этой леди не так?

Я не хотел перебивать Кофу. Само вырвалось. Даже удивился, услышав свою реплику, словно бы со стороны.

К счастью, Кофа не рассердился.

– Если ты думаешь, будто Сонные Стражи как-то особенно хорошо разбираются в людях, вынужден тебя разочаровать, – усмехнулся он.

А Джуффин сказал:

– Дело не в личных качествах леди Уматы, на ее месте мог оказаться кто угодно. Просто наяву Сонные Стражи чрезвычайно консервативны. Не одобряют никаких перемен. Отчасти их можно понять: когда большая часть твоей сознательной жизни проходит в сновидениях, поневоле захочешь хоть какой-то стабильности за порогом спальни.

– К тому же с нынешним Господином Порядка Замка Рулх был дружен еще покойный отец их начальницы, – заметил Кофа. – Впрочем, леди Кайрена Умата заранее предсказывала Его Величеству, что дело с ее новым назначением зайдет в тупик. Но все равно огорчилась. Это понятно: замок Анмокари – слишком мало для такой энергичной личности. Просто не ее масштаб. На самом деле я очень рад, что она соблазнилась Бубутиным местом. Даже со скидкой на отсутствие необходимого опыта, из всех возможных кандидатур она – наилучшая. У леди светлая голова, и с ней совсем несложно поладить.

– Вот это хорошая новость, – откликнулся Трикки Лай. – В последние дни у меня сердце не на месте. Все думаю: а ну как новое начальство решит первым делом избавиться от меня? И чем тогда заниматься? Уехать-то отсюда я в любом случае не могу.

– С твоими навыками и связями возглавить столичный преступный мир – раз плюнуть, – подсказал я. – И тебе развлечение, и Соединенному Королевству польза: высокий интеллектуальный уровень преступлений наверняка поднимет наш международный престиж.

Трикки улыбнулся, но как-то кисло. Было ясно, что ему в кои-то веки не до шуток. Даже не до моих.

– Совсем чокнулся, – вздохнул Джуффин. – Да кто же позволит от тебя избавиться? Ты же, выражаясь языком придворных сплетен, мой протеже. Заменить одного начальника Столичной полиции другим гораздо проще, чем найти ему заместителя, который будет настолько меня устраивать. Собственно, именно поэтому я никогда не предлагал тебе должности в Тайном Сыске: ты бы отлично у нас прижился, просто в полиции от тебя гораздо больше пользы. Но это не означает, что в случае чего я оставлю тебя чахнуть от безделья.

– Спасибо, – поблагодарил его Трикки. – Теоретически я это и сам понимаю. Но почему-то все равно беспокоюсь, смогу ли поладить с новым начальством. Иррационально. Без повода. Просто так.

– Ну и напрасно, – заметил Кофа. – Все самое худшее, что могло тебя ждать на службе в полиции, уже случилось с тобой в самом начале. А теперь это худшее твоими же стараниями благополучно удаляется от столицы со скоростью… Ладно, обойдемся без точных цифр, скорость тяжелогруженого ташерского фафуна зависит от множества обстоятельств, но, надеюсь, она достаточно велика. А кстати, знаете, что за красотка похитила сердце Бубуты? Конечно не знаете, я тоже к своему стыду долго не знал. Леди оказалась большой ловкачкой, являлась на свидания в разных обличиях, и мои осведомители были уверены, это обычный хоровод генеральских любовниц, ничего нового, все как всегда…

– А у Бубуты была куча любовниц? – изумился я. – Вы серьезно? Это вообще как? Зачем им?..

Эти трое посмотрели на меня с нескрываемым состраданием, как на слабоумного деревенского сироту, которому никогда не выбиться в люди, просто в силу ограниченных возможностей, и тут ничего не изменить.

– Купите ему, что ли, книжку с соответствующими картинками, – наконец сказал Джуффину Кофа. – Если дорого, можно в складчину, я вполне готов пожертвовать пару горстей. А то как-то неловко объяснять на словах, что иногда происходит между мужчинами и женщинами. Сэр Макс, конечно, еще очень молод, а все же в его возрасте такие вещи уже пора знать.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил я. – Я высоко ценю вашу заботу. И от лишней книжки с картинками не откажусь. Но насчет мужчин и женщин я более-менее в курсе. Будем считать, уже видел пару картинок. Вполглаза, издалека. Просто как-то в голове не укладывается, что Бубута все эти годы был окружен женским вниманием. Одна симпатичная жена – и то, мне казалось, немного слишком. Ну ладно, предположим, повезло. И вдруг выясняется, что у него была целая куча любовниц! Никогда этого не пойму.

– Да ладно тебе, – растерянно сказал Трикки. – Что в этом такого необычного, чтобы не понимать?

– У меня, ты знаешь, всегда было немало претензий к Бубуте, – усмехнулся Кофа. – Тем не менее, даже я вынужден признать, что какими-то особенными качествами, отвращающими всех без разбору женщин, бедняга отродясь не обладал.

– Просто Максу кажется, что Бубута слишком старый и некрасивый для сердечных дел, – снисходительно объяснил им сэр Джуффин Халли, весьма преуспевший в области познания моей загадочной души.

– А на самом деле, он мускулистый юный красавец, зачем-то наславший нелепое наваждение на меня лично? И больше ни на кого? – обрадовался я.

– Именно в таких вопросах обычно наиболее ярко проявляется разница сформировавших нас культур, – пожал плечами Джуффин. – Я тебе это уже тысячу раз по сходным поводам говорил. Здесь, в Угуланде, такой тип внешности, как у генерала Бубуты, считается достаточно привлекательным. Кстати, на моей родине, в графстве Шимара, он бы не пользовался особым успехом: мы, горцы, тоже не в восторге от таких здоровяков. Но мы с тобой – не единственные женщины в столице Соединенного Королевства. Более того, мы вообще не женщины. Поэтому не нам решать, кто тут красавец. Обидно, но это так.

– Вот они без нас и нарешали, – ухмыльнулся я.

– Удивительно все же, что вы, люди, уделяете так много внимания совершенно незначительным особенностям своего внешнего облика, – неожиданно высказался Куруш. – Лично для меня вы все вообще на одно лицо, только одни покрупнее, другие помельче, и перья… волосы разного цвета. Не будь у каждого из вас своего индивидуального ритма и темпа внутреннего движения, даже не знаю, как бы я вас различал. А для вас эти наиважнейшие факторы почему-то не имеют никакого значения. Я не раз слышал, как вы называете «красивыми» людей, на которых вообще невозможно подолгу смотреть.

– Ну что ты. Внутреннее движение имеет огромное значение, – утешил птицу Джуффин. – И, подумав, честно добавил: – Но только для некоторых из нас. Не все люди его видят, вот в чем беда.

Мне, конечно, сразу захотелось расспросить буривуха, как, с его точки зрения, выгляжу я – красавчиком или не очень? И вообще, кто из нас, по его меркам, самый красивый, а кто самый жуткий урод? Почему-то подобная ерунда всегда кажется интересней всех остальных тайн Вселенной. Но я понимал, что разговорами о своей неземной красоте окончательно угроблю и без того затрещавшее по швам совещание, поэтому сказал:

– Ладно, действительно, чему я удивляюсь? В конце концов, этот Мир полон магии. На ее проявления не только Бубутину популярность у женщин, а вообще все можно списать.

– На самом деле все еще проще, – утешил меня сэр Кофа. – В столице Соединенного Королевства полным-полно женщин, жадных до приключений, уж это ты за столько времени и сам вполне мог заметить. Некоторые из них считают чрезвычайно полезным иметь связи в полиции – просто чтобы приключения как можно реже заканчивались неприятностями. Похвальная предусмотрительность! И уж тут каждая делает, что может. Я хочу сказать, когда ты – большая шишка в Столичной полиции, у тебя не будет проблем с женским вниманием, даже если ты похож на старого равнинного крёггела[6 - То есть гнома, к тому же со скверным характером (эта особенность в той или иной степени присуща всем равнинным крёггелам, зато горные гномы, как правило, прирожденные добряки).], умершего полтора столетия назад. Красотки гроздями на шее будут виснуть. И игриво подмигивать из-за каждого угла.

– Да, – скромно подтвердил Трикки. – Только уворачиваться успевай.

– Все это, безусловно, очень интересно, – сухо сказал Джуффин. – Но, с вашего позволения, хотелось бы вернуться к загадочной леди, которая столь жестоко лишила нас возможности наслаждаться обществом генерала Бубуты. Ее имя вы так и не успели назвать.

– Подозреваю, ее имя – Атана Тури – вам ничего не скажет. Но если я добавлю, что она падчерица Лани Караны, которая была няней леди Кайрены Уматы, поэтому девочки выросли вместе, как сестры, это совпадение покажется вам интересным, не так ли?

– Да, пожалуй.

– В самом начале осени леди Атана Тури переехала в новый трехэтажный дом на Левом берегу, – продолжил Кофа. – Такое жилье, сами понимаете, не по карману рядовой служащей столичной таможни; было даже предпринято специальное служебное расследование – не связалась ли леди с контрабандистами? Хотя лично мне решительно непонятно, какой контрабандистам может быть толк от младшей помощницы дневного секретаря таможенного архива, которая не принимает решений и имеет доступ только к информации о делах многолетней давности. Расследование завершилось, практически не начавшись, поскольку сразу же выяснилось, что роскошный дом – подарок высокопоставленной названной сестры. Леди Умата умеет с толком вкладывать деньги, вот что я вам скажу.

– Но зачем покупать дом на Левобережье перед самым отъездом в Ташер? – удивился я.

Кофа удивился еще больше.

– А с чего ты взял, будто леди Атана Тури собирается куда-то ехать? Зачем бы ей?

– Но…

– Леди продолжает ходить на службу, прошения об отставке не подавала, зато несколько дней назад подписала контракт на полный комплекс услуг с семейством Кушара, потомственным кланом садоводов; как по мне, правильно сделала, участок вокруг ее дома пока выглядит, прямо скажем, не ах. Словом, совсем не похоже, чтобы Атана Тури планировала куда-то уезжать. Уверен, для Бубуты она придумала достаточно убедительные аргументы, почему им не стоит путешествовать вместе – например, чтобы не возбудить преждевременных подозрений и не навлечь на бесценного генерала Столичной полиции Королевский гнев с последующей погоней – и пообещала догнать его немного погодя. Этого, как видишь, оказалось достаточно, чтобы пылкий влюбленный все бросил, сбрил бороду и отправился в Ташер. Как Бубута поведет себя, обнаружив, что подружка к нему не спешит, особого значения не имеет: его прошение об отставке уже у Короля. И, не сомневаюсь, будет подписано сегодня же, такие дела даже служащие Королевской канцелярии в долгий ящик не откладывают. В общем, есть игра.

– Свинство какое, – сердито сказал я.

– Не без того, – согласился Кофа. – Но в сердечных делах никогда заранее не угадаешь, к какому придешь итогу. Бубуте крупно не повезло, но такое с каждым может случиться, даже без всяких злокозненных интриг. С другой стороны, его жизнь на этом вряд ли закончится. Захочет, вернется в Ехо. Ташер, конечно, далековато, а все-таки не Арварох. Помирится с леди Улимой, она ему еще и не такие выкрутасы прощала. И выяснит, что безделье в отставке не слишком отличается от безделья на службе, а на положенную ему Королевскую пенсию можно очень неплохо прожить.

– Ну да. А еще по дороге можно случайно свалиться в море. Или сдуру залезть на мачту, упасть и погибнуть счастливым, так и не узнав, что тебя оставили в дураках. В общем, надо быть оптимистом: всегда остается шанс на благоприятный исход.

– Довольно наивно представлять себя на месте другого человека, который совсем на тебя не похож, и думать, будто он испытывает такие же чувства, какие в сходной ситуации испытывал бы ты сам, – заметил Джуффин. – Тем более, что у тебя при всем желании вряд ли получится влипнуть в подобную историю. Влюбиться по уши – ладно, допустим. Вполне могу такое несчастье вообразить. Но вряд ли ты в связи с этим подашь в отставку. Максимум – отпуск возьмешь. Дня на три, рассудив, что для очередной любви всей жизни этого

более чем достаточно. Но даже отпуском не успеешь воспользоваться, потому что по дороге на, скажем, второе свидание случайно отвлечешься на что-нибудь интересное. А потом – на что-нибудь еще. И вспомнишь о владычице своего сердца только когда она станет гоняться за тобой по городу с лохрийской охотничьей рогаткой…

– А почему именно с лохрийской? – удивился я. – Какой в этом тайный смысл?

– С лохрийской охотничьей рогаткой ходят на диких менкалов, – любезно объяснил Кофа.

– Вот именно, – кивнул Джуффин. – Я имею в виду, снаряды достаточно велики, чтобы пробудить совесть даже в человеке, у которого ее отродясь не было. Будь я покинутой красоткой, стрелял бы в вероломных любовников именно из лохрийской рогатки. И сестрам по несчастью ее бы настоятельно рекомендовал.

– Хорошо, что вы не покинутая красотка! – вдруг рассмеялся Трикки Лай.

– Да, – с достоинством подтвердил сэр Джуффин Халли. – Это счастливое обстоятельство спасло много человеческих жизней. Не сосчитать.

Они, конечно, мгновенно подняли мне настроение, испорченное внезапным острым приступом сострадания – не столько к самому генералу Бубуте, сколько к абстрактному собирательному образу всех несчастных влюбленных, обманутых умными и расчетливыми объектами страсти, за всю историю всех человечеств – чего мелочиться, страдать, так уж страдать. Но о незнакомой пока леди Кайрене Умате и ее названной сестрице я весь день вспоминал с неприязнью. Хотя обычно чужая хитрость вызывает у меня невольное восхищение, как почти любое искусство, в котором я сам не силен.

* * *

Когда по столице поползли слухи, что на краю городского центра, среди заброшенных огородов Ордена Могильной Собаки полным ходом идет строительство каких-то невероятных летающих дворцов, я сперва скандальным тоном спросил Малдо Йоза, почему я, сирота, всегда узнаю такие новости последним, и только потом сообразил, о чем, собственно, речь.

Впрочем, тот факт, что идея построить для шиншийских гостей что-то вроде фрагмента Черхавлы с невидимыми первыми этажами родилась при моем активном участии, включающем протрезвляющее заклинание, безответственные советы и два сломанных в неравной схватке с эскизами карандаша, не спас меня от культурного шока при посещении строительной площадки на этапе финальных отделочных работ. Высокие, узкие, устремленные в небо дворцы из полупрозрачного молочно-лилового камня, связанные в единый комплекс изящными переходами на разных уровнях, выглядели парящими над землей на высоте примерно четырех метров; первый этаж становился видимым только когда открывали одну из входных дверей – очень условно видимым, словно бы сотканным из тумана. Впечатления это не портило, скорее, даже усиливало, по крайней мере, для меня. Оставалось надеяться, что у шиншийцев крепкие нервы, и они не рехнутся, выяснив, что им в этом сумрачном наваждении предстоит жить.

– Это тот уникальный случай, когда невозможно – да, пожалуй, уже и не нужно – провести четкую границу между архитектурой и поэзией, – сказал сэр Шурф, ради совместного любования отделочными работами отменивший ежевечернюю порку Старших Магистров или какие там еще бывают ужасающие Орденские таинства, о которых непосвященным лучше ничего не знать.

А может быть, это не он сказал, а я сам подумал. Поскольку в людных местах нам обоим лучше появляться невидимыми и пользоваться Безмолвной речью, иногда довольно трудно бывает отличить чужую реплику от собственной мысли. И это придает разговору приятный привкус безумия – легкого, необременительного и безопасного, благо прекратить его можно в любой момент.

Впрочем, я и без того был слегка не в себе, потому что представшее нашим глазам зрелище превосходило мои самые смелые представления о красивых зданиях. И еще потому, что я хорошо помнил, как впервые оказался в Ехо, и как потом вернулся сюда после долгого перерыва, и оба раза совершенно одинаково думал, что прекрасней этого города ничего быть не может, а оказалось – еще как может. Вот прямо сейчас, у меня на глазах город становился прекрасней былого себя.

Но больше всего меня изумляло, что я сам отчасти стал тому причиной. Очень странное ощущение: смотреть на парящие над землей рукотворные призрачные дворцы и осознавать, что без твоих корявых эскизов ничего бы не было. Я испытывал по этому поводу не столько гордость, сколько растерянную благодарность судьбе за такой неожиданный подарок. И долго еще потом думал: «Как же мне повезло сделать в это свой вклад!»

– На каком-то этапе я даже испугался, – признался Малдо Йоз, которого мы в отместку за свое утраченное душевное равновесие подвергли временному отстранению от работы с последующим размещением на крыше Мохнатого дома и насильственным нанесением грубых восхвалений. Впрочем, художники обычно довольно легко переносят восхваления, даже самые грубые, особенно если к ним прилагаются всякие интересные напитки, так что гений не особо от нас пострадал.

– Чего именно вы испугались? – строго спросил Шурф. Он буквально светился готовностью прочитать Малдо столько душеполезных лекций о мужестве, необходимом всякому большому художнику, сколько понадобится, чтобы окончательно и бесповоротно его вразумить.

– Впервые за все время всерьез задумался, будут ли мои постройки хотя бы такими же долговечными, как обычные каменные и кирпичные дома. Вроде бы никаких причин сомневаться в их прочности у меня нет, но я все равно испугался: а вдруг этот дворец однажды просто возьмет и исчезнет? Станет истлевшей грудой хлама, который я в него превращал. Было бы очень жалко.

– Насколько мне известно, материальные объекты, созданные с применением Очевидной магии, можно считать даже более долговечными, чем обычные вещи. Причем я говорю «более долговечными», только потому, что называть их «вечными» мне не позволяет потребность всегда оставаться точным в высказываниях. Ученые до сих пор спорят, можно ли считать вечной хотя бы саму Вселенную, и я пока не определился, какую из сторон следует поддерживать в этой дискуссии, потому что аргументы обеих довольно остроумны, но недостаточно убедительны для меня.

Вот теперь я совершенно точно не перепутал бы слова Шурфа с собственными мыслями, даже если бы он по-прежнему оставался невидимым и пользовался

Безмолвной речью. Потому что к таким сияющим вершинам занудства мне вовек не вознестись. Да он и сам далеко не каждый день так блистает, прошли те времена. Но сейчас, надо думать, способности моего друга обострил культурный шок.

Меня же культурный шок вверг в такое блаженное молчаливое оцепенение, что эти двое, хоть и были увлечены разговором, периодически косились на меня с явной тревогой: ты вообще еще жив? Я только вяло отмахивался: ловите свою удачу, пользуйтесь случаем, когда еще я вам за один вечер столько намолчу.

– Теорию-то я знаю назубок, – сказал Шурфу Малдо. – И согласно этой теории, все мои постройки должны простоять до конца времен, если не применять к ним специальной разрушающей магии, что по счастью, довольно непросто и строжайше запрещено законом. Так что мой страх абсолютно иррационален, в этом я отдаю себе отчет. Говорят, некоторые люди точно так же боятся за своих совершенно здоровых детей, возлюбленных и друзей: а вдруг случится несчастье? А вдруг прямо завтра заболеет? А вдруг всего через какие-то несчастные триста лет умрет? Чокнулся я совсем с этим дворцом, вот что. И ничего поделать с собой не могу.

– Ну, это далеко не худшая разновидность безумия для художника вашего масштаба, – неожиданно согласился Шурф. – Я бы даже сказал, отчасти полезная – для ваших современников и будущих зрителей. Лучше уж трястись над своими работами, чем следовать примеру Гриссы Шумары.

Услышав незнакомое имя, я встрепенулся:

– А это еще кто?

– Знаменитый поэт эпохи Короля Мёнина. Судя по отзывам современников, исключительный мастер. Однако составить собственное мнение о его творчестве нет возможности ни у меня, ни у других экспертов. Грисса Шумара был одержим удивительной идеей, будто стихи не должны переживать своего автора. Якобы это вредит то ли самому поэту, который рискует застрять между жизнью и смертью, каким-то невообразимым образом равномерно распределенным по своим стихам, то ли некоему гипотетическому общему пространству поэзии, привнося в него дыхание смерти. Я тщательно изучил обе версии и считаю их скорее поэтическими метафорами, чем рабочими гипотезами, хоть сколько-

нибудь основанными на достоверном знании о природе смерти и текста. Но, к сожалению, Грисса Шумара принимал решение задолго до моего рождения и вынужденно обошелся без моих консультаций. Поэтому он наложил на свои стихи заклятие, на создание которого потратил немалую часть своей долгой жизни. И оно сработало таким образом, что в день смерти Гриссы Шумары сгорели все книги с его стихами, до последнего экземпляра. И все его рукописи и черновики. И даже личные письма совершенно посторонних людей, которые содержали цитаты из его стихотворений. Не сохранилось ни единой строчки. Когда многочисленные поклонники таланта Гриссы Шумары пришли в себя после такого несчастья и попытались восстановить его наследие по памяти, выяснилось, что и самопишущие таблички, и тетради сгорают, как только туда записывают хотя бы одну строку. Пробовали намеренно писать с ошибками, в надежде, что тогда заклятие не сработает, но это не помогло. Была идея уехать подальше от Сердца Мира, в идеале на другой материк и попробовать восстановить записи там, но воплотить ее на практике, к сожалению, не успели, потому что…

– Люди, которые помнили его стихи наизусть, тоже сгорели? – ужаснулся Малдо.

– Такого исхода многие опасались, но, к счастью, все-таки нет. Грисса Шумара не был кровожаден. Просто люди сперва постепенно и незаметно, а потом все стремительней стали забывать его стихи. В том числе признанные знатоки поэзии с профессиональной памятью, способной вместить не одну дюжину томов. Единственное, что в итоге уцелело – несколько любительских переводов на ирраширский язык. Но ирраширский язык, как вам обоим, полагаю, известно, был создан специально для торговых операций и деловых переговоров; переводить на него поэзию – задача, скажем так, нетривиальная. Неудивительно, что неизвестный переводчик не справился. Сохранившиеся переводы сделаны настолько грубо и неумело, что составить по ним хотя бы приблизительное представление о характере творчества Гриссы Шумары и особенностях его поэтического языка не представляется возможным. Это одна из самых печальных утрат за всю историю угуландской литературы. Особенно досадно, что в основе его лежит обычное суеверное заблуждение, недостойное творца такого масштаба. Все-таки невежество – первопричина всех бед.

– Ну, пока существует возможность построить Мост Времени, ничего не пропало, – легкомысленно заметил я.

– Да, я тоже так думаю, – согласился мой друг. – И уже составил список лакун в истории литературы, которые можно будет закрыть, когда я освою этот прием. Грисса Шумара там значится первым номером. С кого еще и начинать.

– Вот для чего на самом деле Древние изобретали Мост Времени. Все наши магические амбиции вместе взятые на фоне лакун в истории литературы – полная ерунда.

У сэра Шурфа Лонли-Локли есть одно воистину удивительное свойство: когда он не желает распознавать сарказм собеседника, он его не распознает, хоть стреляй. Вот и сейчас хладнокровно кивнул:

– Да, для серьезного исследователя этот метод действительно неоценим.

* * *

– Кто дрыхнет до полудня, пропускает все самое интересное, – сказал Мелифаро.

Его лоохи, расшитое позолоченными блестками, так невыносимо сверкало на солнце, что мне пришлось невежливо отвернуться от гостя, заявившегося ко мне с початым кувшином камры, пирогом от мадам Жижинды и свежайшими новостями из Дома у Моста. Говорю же, ближние постоянно меня подкармливают, хотя я не то чтобы бедствую. Впрочем, подозреваю, дело не в их щедрости и даже не в моем специфическом сиротском обаянии, а в крыше Мохнатого дома. Всех тянет сюда, как магнитом. Но ежедневно приходить в гости без всякого повода даже не слишком строго воспитанным людям в какой-то момент становится неловко. А пирог – вполне себе повод. Универсальный, на все случаи жизни повод – горячий пирог.

– Не все, а примерно четверть, – возразил я. – По моим наблюдениям, интересные события обычно бывают более-менее равномерно распределены по всему дню. Поэтому каждый, кто бодрствует не круглосуточно, пропускает четверть самого интересного, вне зависимости от того, когда предпочитает ложиться и вставать.

Мелифаро обычно довольно непросто сбить с толку, но мне это удалось. Он растерянно умолк примерно на две секунды. Блестящий результат: как если бы обычный человек полчаса потрясенно молчал.

– В последнее время ты стал совершенно невыносимым занудой, – наконец сказал он. – Кто тебя укусил?

Я задумался. Наконец честно ответил:

– Да хрен его знает, кто именно. Вокруг полно разных зубастых типов, за всеми не уследишь. Ты лучше рассказывай, что там у вас случилось. Какое такое «самое интересное» я пропустил?

– Первое пришествие новой начальницы Столичной полиции.

– Ого. Ее так быстро назначили? Бубутино прошение об отставке, насколько я знаю, попало к Королю только позавчера. Он, конечно, давно уже в курсе, но никаких действий в этой связи не предпринимал. Как и все мы, был совершенно уверен, что чары вот-вот рассеются, и Бубута вернется назад.

– Ну да. А по закону, кресло начальника Столичной полиции не должно пустовать вообще ни минуты. Сперва следует выбирать преемника, а уже потом отправлять в отставку действующего начальника. Так что не «быстро назначили», а, наоборот, слишком долго возились. Вчера леди Умата сдавала дела в замке Анмокари, а сегодня заявилась в Управление Полного Порядка. И первым делом пришла к нам знакомиться. Поблагодарить за помощь, которую мы все это время оказывали полиции, выразить надежду, что так будет и впредь; в общем, все, что на ее месте сказал бы любой достаточно вежливый человек. И – вот сейчас ты начнешь рыдать, что все пропустил! – принесла нам торт. Сама испекла. Говорит, по прабабкиному рецепту. А прабабка у леди была не простая, а настоящая лесная колдунья. Последствия налицо.

– То есть торт был отравленный? – обрадовался я.

– Наверняка, – кивнул Мелифаро. – Нашпигован каким-нибудь приворотным зельем по самые ягоды на завитках. Потому что за последнюю пару кусков мы только каким-то чудом не передрались. К тому явно шло. Но наш начальник, сам знаешь, бывший наемный убийца. Страшный человек, ловкач и интриган. Завладел тарелкой, сказал: «Надо оставить сэру Максу…»

– Так и сказал?! – изумился я.

Джуффин, конечно, до сих пор меня опекает, даже не столько по старой привычке, сколько потому, что за несколько лет моего отсутствия убедился, что второго такого карточного партнера ему вовек не сыскать, а значит, меня надо беречь, как наследного принца, по какому-то печальному недоразумению родившегося стеклянным. Но так далеко его забота обо мне еще никогда не заходила.

Впрочем, как выяснилось, и сейчас не зашла.

– Пока мы наперебой возмущенно орали, что ты все проспал и сам виноват, шеф отправил твою долю в рот и сказал: «Пожалуй, вы правы, сэр Макс перебьется». Кофа в сердцах чуть в отставку не подал. Но начальница полиции быстро его утихомирила, пообещав испечь еще один торт в самое ближайшее время. Она – просто отличная! Я как-то даже не ожидал. Похоже, Король решил разом компенсировать нам все страдания от многолетнего сотрудничества с Бубутой, когда ее назначал.

– Смотрю, эта ловкая леди без труда подобрала ключи к вашим сердцам, – усмехнулся я.

– Ну почему без труда. Испечь такой торт вряд ли просто. Подозреваю, не меньше трех часов возни.

– Удивительно, что до нее никто не догадался, как легко купить с потрохами весь Тайный Сыск. Всего один торт по рецепту лесной колдуньи, плюс обещание однажды повторить удовольствие, и все у ее ног. Даже хорошо, что я проспал процесс циничного подкупа. Пусть у этой подлизы будет хотя бы один тайный враг.

– Да какой из тебя, к лешему, тайный враг, – отмахнулся Мелифаро. – Ты враждовать не умеешь. Только дружить и убивать. К тому же, она в твоем вкусе. В смысле, нос – как три моих.

Ну, предположим, не три, а максимум два с половиной. Это было первое, о чем я подумал, когда столкнулся с леди Кайреной Уматой в коридоре Дома у Моста.

Ни на секунду не сомневаюсь, что наше якобы случайное столкновение было тщательно спланировано самой леди Кайреной. И очень ей за это благодарен, потому что если бы не ее находчивость, я бы еще несколько дней разрывался между любопытством и нежеланием специально идти с ней знакомиться. Я все эти официальные представления и расшаркивания терпеть не могу.

Второе, о чем я подумал: в роли полицейской начальницы эта леди смотрится очень забавно. Миниатюрная, изящная, с пышной копной рыжеватых волос, огромными голубыми глазами и маленьким, по-детски пухлым ртом, она выглядела бы хорошенькой куклой, если бы не роскошный породистый нос, который, при всей моей завистливой страсти к здоровенным носам, даже на мой вкус был несколько великоват для ее небольшого аккуратного лица.

Третье, о чем я подумал: похоже, она неплохая колдунья. Не из ряда вон выходящая, но вполне ничего. Могущественных людей я сразу распознаю, не прикладывая никаких специальных усилий, просто чувствую их силу так же ясно и недвусмысленно, как жар солнечных лучей, ветер или дождь.

Больше ничего я подумать не успел, потому что столкнувшаяся со мной милая леди воскликнула: «Вот черт!» – и я натурально впал в ступор. Ничего подобного она, по идее, сказать не могла. «Черт» это мое и только мое ругательство, притащенное сюда из другой реальности и совершенно иного культурного контекста. Здесь и чертей-то нет.

В конечном итоге я не нашел ничего лучшего, чем адресовать ей вопрос, который уже столько раз слышал от окружающих, что перестал на него отвечать:

– Кто такой черт?

– Понятия не имею, – честно призналась она. – Сэр Трикки Лай так ругается, и мне сразу же на язык прилипло, я легко подцепляю чужие словечки. А это такое кроткое и выразительное! Но его точного значения сэр Трикки сам толком не знает, говорит, вроде, ничего особенно неприличного, но лучше спросить сэра Макса. А сэр Макс это, если я правильно понимаю, вы. Круг замкнулся. Поэтому объясните мне, пожалуйста, кто такой черт.

– Что-то вроде демона, – сказал я. – Такой смешной злопакостный демон, с рогами. Но, в отличие от остальных демонов, вымышленный. Насколько мне известно, на самом деле, никаких чертей нет.

– Так даже лучше, – совершенно серьезно заметила леди Кайрена Умата. – Некому обижаться, что бранятся его именем, я имею в виду.

…Неудивительно, что после такого удачного знакомства я вошел в зал общей работы с восторженным воплем: «Какая славная леди эта новая начальница Столичной полиции!» И первые полчаса ни о чем, кроме своих впечатлений не желал говорить.

Но после прогулки на Темную Сторону с очередной компанией новичков, любезно усаженных на мой загривок Джуффином, чтобы я не слишком скучал в те счастливые дни, когда ничего особо занимательного, включая чужие страшные сны, в столице Соединенного Королевства не происходит, носатая полицейская начальница предсказуемо вылетела у меня из головы. Рассеянных балбесов вроде меня очаровывать не то чтобы вовсе бесполезно, просто всякий раз придется начинать заново. Практически с мертвого нуля.

* * *

Что касается скорого приезда шиншийского халифа со свитой, о нем я вспоминал еще реже, чем о леди Кайрене Умате – просто потому, что халиф не ходит по коридорам Дома у Моста и, соответственно, никогда не попадается мне навстречу. Большая ошибка с его стороны.

В любом случае, грядущий визит шиншийцев был не моей заботой. Я настолько не специалист по дипломатическим переговорам, насколько это вообще возможно. Хотя бы от этого несчастья судьба меня уберегла.

А когда сэр Джуффин Халли собрал специальное совещание, чтобы морально и технически подготовить сотрудников Тайного Сыска к неприятностям, которые должны были начаться буквально послезавтра, как только две с половиной дюжины кораблей великого халифа Мураны Кутай Ан-Арумы пришвартуются на специальном Королевском причале, предназначенном для особо почетных гостей, я его цинично проспал. Не то чтобы намеренно, просто так получилось,

что предыдущую ночь я провел несколько более насыщенно, чем требуется человеку, планирующему бодро вскочить поутру.

Поэтому я не бодро вскочил, а меланхолично выполз из-под одеяла, причем только после полудня. Понял, что эпохальное совещание прошло без меня, и испытал в этой связи великое множество разнообразных эмоций – от искренней благодарности, что шеф не стал поднимать меня силой, до почти самой настоящей досады, что без меня легко обошлись. Это почему-то всегда чертовски обидно, хотя здорово упрощает жизнь.

– Извини, что проспал. Не понимаю, почему ты до сих пор не выгнал меня взашей, к Темным Магистрам, – сказал я Джуффину, который вместо того, чтобы откусить мне голову за почти четырехчасовое опоздание, сразу потащил меня завтракать. Ну или обедать. С моим режимом дня хрен поймешь.

– Да я бы с радостью, – заверил меня шеф Тайного Сыска. – Однако Темные Магистры решительно против, и их можно понять. Поэтому, если тебе так уж приспичило, сам к ним добирайся. В этом деле я тебе не помощник, извини.

– Ничего, – великодушно откликнулся я. – Меня и здесь неплохо кормят. Как-нибудь обойдусь.

– На самом деле я даже рад, что ты проспал, – признался Джуффин. – Сперва собирался тебя разбудить, но вовремя сообразил, что силой тащить на совещание человека, способного за пять минут выпить заказанную на всех камру, отобрать у коллег бутерброды, сорвать начало моего выступления громогласными сетованиями на свою злую судьбу, а потом мирно уснуть в кресле и все пропустить как минимум нерационально. Тем более, что халиф с придворными – явно не твоя забота. Они наяву к нам заявятся. И совершенно точно не для того, чтобы гулять по Темной Стороне. Но если кому-нибудь из его свиты вдруг взбредет в голову наслать на нас пару-тройку древних кейифайских проклятий, я тебя сразу же позову.

– Думаешь, я умею снимать древние кейифайские проклятия?

– Заранее в этом уверен. Уандукские ученые вполне убедительно доказали, что избавиться от них абсолютно невозможно. Наши не столь безапелляционны, но

только потому, что совершенно не разбираются в этом вопросе. А значит, можно не сомневаться, что древние кейифайские проклятия – твоя специализация. Но шансы выяснить это на практике, боюсь, невелики. Если верить авторитетным источникам, чтобы качественно наложить настоящее неисцелимое кейифайское проклятие, требуется примерно год регулярных усилий в непосредственной близости от объекта; желательно, чтобы расстояние не превышало полутора миль. А наши гости так надолго не задержатся. Максимум – до конца зимы.

– Аж до конца зимы? – пригорюнился я. – А она едва начаться успела. Бедный Кофа!

– Почему это «бедный»? – удивился шеф.

– Он говорил, что терпеть не может шиншийских принцесс. Даже в отпуск удрать собирался – куда-нибудь, где их нет. Удивительно, кстати, что передумал. Он был настроен довольно решительно.

– Да ничего удивительного, – отмахнулся Джуффин. – Кофина неприязнь к принцессам прекрасно уравновешивается его любовью к шиншийским пряностям, которые везут нам в подарок, чтобы отблагодарить за гостеприимство. Ну как «нам» – Королю. Но с Кофиными связями при Дворе получить доступ к заветным сундукам легче легкого. Уверен, в его кухонных шкафах уже расчищено место под будущую добычу… А ты-то чему так радуешься? Кофа, при всех его несомненных достоинствах, не любитель устраивать дружеские пирушки у себя на дому.

– И не надо. Если Кофа добудет шиншийские пряности, значит, моим соседям тоже что-нибудь перепадет. Вернее, соседке. Любовь творит чудеса. Даже вообразить страшно, как будут сочетаться шиншийские пряности с блюдами традиционной урдерской кухни; лично я заранее содрогаюсь, предвкушая эту жуть. Но все к лучшему: наконец-то от них разбегутся клиенты, и можно будет снова ужинать там по-домашнему за абсолютно пустым столом, как в старые времена, когда «Свет Саллари» только открылся, и о нем еще почти никто не прознал.

– На твоем месте я бы не слишком на это рассчитывал, – усмехнулся Джуффин. – Испортить еду шиншийскими пряностями не удастся не только твоим соседям, а даже Королевским поварам. Кстати о Королевских поварах, у меня хорошая

новость: тебе не придется маяться на приеме по случаю прибытия великого халифа. Согласно регламенту, на встрече такого уровня должны присутствовать все государственные чиновники высшего ранга, кроме больных и выполняющих работу четырех первых степеней срочности. Но Его Величество просил передать, что согласен официально присвоить первую степень срочности любому делу, которым ты соблаговолишь заняться во время приема. Включая послеобеденный сон.

– Спасибо! – просиял я. Но тут же нахмурился: – Погоди, это, получается, у меня настолько ужасная репутация, что Король стесняется показывать такое сокровище своим гостям? Когда я успел ее заработать? И, главное, как?!

– Просто Его Величество разбирается в людях. И, зная тебя не первый день, прекрасно понимает, что два часа в тронном зале, а потом еще четыре за столом ты просто не высидишь. Особенно если из развлечений будут только бессмысленные светские разговоры и две дюжины перемен блюд. Уже через час ты заскучаешь и начнешь мечтать о какой-нибудь катастрофе, которая положит конец этой тоске. А значит, через час с четвертью она неизбежно наступит.

– Боюсь, Король меня несколько переоценивает, – растерянно сказал я.

– Есть немного, – легко согласился Джуффин. – Не удивлюсь, если катастрофы придется ждать до позднего вечера, а то и вовсе до середины зимы, ты иногда бываешь на диво нерасторопен. Но проверять это на практике я бы, пожалуй, не стал. Во всяком случае, не прямо во время приема шиншийского халифа. Он-то в чем виноват?

* * *

– По идее, это вообще не наша работа, – сказала леди Кекки Туотли. – Чтобы натворить бед по ведомству Тайного Сыска, шиншийской делегации сперва пришлось бы… ну, даже не знаю, может, на какие-нибудь курсы магии для начинающих с полгодика походить?

– Во-первых, в Уандуке тоже практикуют магию, – ответил ей Нумминорих. – Совсем не такую, как у нас, но тем интересней. Во-вторых, среди придворных халифа вполне может оказаться кто-то настолько шустрый, что и нашей быстро

выучится. В-третьих, шиншийцам вообще не обязательно самим что-то делать, достаточно, чтобы на них кто-нибудь напал. Короче говоря, в любой момент может случиться что-нибудь интересное, надо сохранять оптимизм!

Лично у меня высказанные им предположения вызывали не столько оптимизм, сколько панику. Но я благоразумно промолчал. Не следует вот так сразу грубо наступать на горло чужой мечте. Особенно когда рядом сидит сэр Кофа Йох: у него это обычно получается гораздо лучше. Практический опыт – великая вещь.

– На что-то по-настоящему интересное я бы не особо рассчитывал, – сказал он Нумминориху. – Шиншийцы слишком ленивы, чтобы вот так, с порога, начать околдовывать мирное население города, куда приехали поглазеть на достопримечательности. И могущественный враг у них пока только один на все Соединенное Королевство, да и тот – я. Впрочем, дня два-три спустя ко мне наверняка присоединятся служащие Канцелярии Забот о Делах Мира, весь личный состав Столичной полиции и некоторые горожане – те, кому посчастливится лично столкнуться с принцессами, вышедшими погулять. Но предстоящую нам возню с шиншийскими хулиганками особо увлекательным развлечением не назовешь.

– А по-моему, это весело, – подал голос Мелифаро, оторвавшись от задачки, которую вызвался решить на спор с Базилио и, судя по озадаченному выражению лица, постепенно начал об этом жалеть. – Полный город пьяных девчонок, за ними гоняются полицейские, а догнав, пытаются поцеловать. И посреди всего этого Трикки, выскочивший на улицу прямо в чем спал, ласково повторяет: «Нет, мальчики, все не так, у вас сейчас другая задача».

– А рядом с ним, как ты выражаешься, «посреди всего этого», мы с тобой, – мрачно заметил Кофа. – Лично мне совсем не смешно.

Этим вечером Тайный Сыск практически в полном составе, то есть без Джуффина, не совсем безосновательно полагающего, будто его присутствие может испортить любую вечеринку, превратив ее в совещание, и Луукфи Пэнца, всем на свете компаниям предпочитающего общество буривухов из Большого Архива, собрался у меня на крыше. Вроде бы зашли без особого повода, просто так, выпить и поболтать. Но особый повод, конечно же, подразумевался: всем было ясно, что мы пользуемся возможностью приятно провести последний спокойный вечер этого года, пока нам на голову не свалилась шиншийская

делегация, включая двести тридцать семь буйных принцесс. Да и все остальные высокие гости еще неизвестно какими окажутся. Возможно, великий халиф Мурана Кутай Ан-Арума тоже любит грабить торговцев на рынках и затевать драки в трактирах, просто дома поневоле держит себя в руках, а у нас соблаговолит расслабиться.

Вот, кстати, будет смеху, если это и правда так.

– Так вы в отпуск и не удрали, – сказал я Кофе. – А ведь грозились. И теоретически могли. Шеф бы этому не обрадовался, но вряд ли стал бы препятствовать. Сколько себя помню, столько он вас уговаривает по-человечески отдохнуть.

– Да мог бы, конечно, – вздохнул Кофа. – Просто как-то некрасиво бросать Кайрену. Она совсем недавно вступила в должность, толком еще не освоилась, и вдруг такой форс-мажор. Трикки, при всех его достоинствах, ей тут плохой помощник, потому что сам такой же неопытный в этих делах. Он, в отличие от меня, о шиншийских традициях вообще ничего не знает. Максимум – книжку какую-нибудь прочитал. В общем, от треклятых принцесс мне теперь никуда не деться. А им – от меня.

Последняя фраза прозвучала угрожающе и одновременно так жизнерадостно, что я вдруг понял: да у Кофы уже руки чешутся взяться за этих девиц и стать первым в мире служителем закона, который сможет призвать их к порядку. А что маскирует свой азарт раздраженным ворчанием – ну так у каждого своя любимая роль.

Мелифаро между тем подозвал к себе Базилио и сунул ей под нос самопишущую табличку.

– Это уже самое настоящее жульничество, – сказал он. – Я сперва думал, ты что-то перепутала, записывая условия, а потом понял, это просто одна из якобы остроумных задачек, вышедших из моды еще в начале Смутных Времен, где под каждую нужно изобретать новую математическую систему, в рамках которой этот ужас можно решить. Насколько я помню из университетского курса, в то время изобрели чуть ли не полторы тысячи разных новых математик, но практического толку от них не было никакого, разве только студентов с ума сводить.

– Не сводить с ума, а его развивать, – возразила Базилио, которая, конечно, обладает ангельским характером и безразмерным сердцем, но за свои высокие математические идеалы будет, если понадобится, сражаться со всем Миром до победного конца.

– Со своим умом делай что хочешь, – огрызнулся Мелифаро. – Хоть развивай, хоть обратно потом завивай, дело хозяйское. А на спор такие задачки никому больше решать не предлагай. Потому что это нечестно: объективно, по законам логики, задача не имеет решения. А субъективное мнение, оно же придурь обыкновенная, у каждого свое.

– Так ты не решил? – торжествующе воскликнула Базилио.

Ее радость можно понять. Сэр Мелифаро такой специальный блистательный тип, которого почему-то сразу хочется победить в каком-нибудь споре. Или не в споре, а в драке. Или съесть на полпирога больше, или первым усесться в кресло. Любая победа сойдет.

Вот и сейчас он снисходительно ухмыльнулся:

– Обойдешься. Я так рассердился, что придумал сразу две математики: одну просто дурацкую, специально для решения этой задачи, и вторую, доказывающую невозможность существования первой. Чтобы закрыть этот вопрос раз и навсегда.

– Ой как красиво! – восхитилась Базилио, уткнувшись в табличку.

Говорю же, у нашего бывшего чудовища ангельский характер. Любому нормальному человеку на ее месте захотелось бы сперва двинуть этому гению в глаз, а уже потом разбираться с его великими открытиями, да и то только ради того, чтобы их убедительно раскритиковать.

– Сборище буйнопомешанных, – ласково сказала им Кекки, чрезвычайно удачно озвучив мое собственное мнение по этому вопросу. И, помолчав, вдруг добавила: – Как же я вас всех люблю!

– Представляешь, – сообщил я ей драматическим шепотом, – та же беда.

– Всех сразу?! Хуже кейифайев, честное слово, – укоризненно покачал головой Мелифаро. И сам же первым заржал.

* * *

Вопреки популярной и крайне утешительной для меня самого легенде, будто я просто способный балбес с умеренно эксцентричным характером, мое внутреннее устройство представляет собой бездну, кишащую чудовищами. Одно из них зовут Ответственность, второе – Здравый Смысл; имени третьего я не знаю, но оно подозрительно похоже на совесть, как ее описывают пострадавшие от этого кровожадного монстра.

По удачному стечению обстоятельств, мои чудовища – засони, почище меня самого, но когда они все-таки просыпаются, с ними лучше не шутить. Поэтому я не стал притворяться, будто занят какими-то условно непостижимыми делами, а сам, добровольно предложил Джуффину подежурить в его кабинете, пока он и остальные наши коллеги претерпевают светские муки на Королевском приеме. Думал, приведу его в восхищение, но шеф только плечами пожал: «Ну естественно». Как будто и правда ничего иного от меня не ожидал.

Удивительный человек.

Ради такого дела я запасся целой пачкой газет, благо давно их не читал. Начал с вчерашнего вечернего выпуска «Суеты Ехо», с удивлением выяснил, что прежде, чем заявиться ко мне на крышу, Кофа и Нумминорих отыскали в одном из подвалов заброшенных хозяйственных помещений Ордена Плоской Горы драгоценности, похищенные из резиденции Чангайской посланницы, а Кекки и Мелифаро нашли и задержали некоего отравителя, заколдовавшего все вино в погребе ненавистного кузена-трактирщика так, что у трех с лишним дюжин клиентов начались галлюцинации; к счастью, все остались живы, но перепугались знатно. Я об этих безобразиях еще узнать не успел, а они – хлоп! – и уже поймали. И даже не стали рассказывать, потому что неинтересно, повседневная рутина, полная ерунда.

Дочитав журналистские отчеты о работе коллег, я внезапно почувствовал себя недотепой, окруженным гениями, как в самом начале работы в Тайном Сыске; многим, я знаю, на моем месте стало бы неприятно, а мне, наоборот, понравилось. Больше всего на свете я люблю восхищаться – в первую очередь,

теми, кто рядом, но можно вообще всем подряд.

Еще часа полтора я подбрасывал в топку своего восхищения дрова, вернее газеты, одну за другой. Оказывается, для того, чтобы узнавать о работе коллег из раздела «Криминальная хроника», вовсе не обязательно выходить на пенсию и переезжать в загородный дом. Достаточно пропускать большинство утренних совещаний ради совершенствования в той области искусства сновидений, которая на языке честных людей называется «дрыхнуть без задних ног», и некоторые вечерние, просто потому, что могу, а все остальное время трещать без умолку, не затыкаясь, не давая беднягам вставить больше трех слов подряд. А в тех редких случаях, когда им это все-таки удается, слушать вполуха, думая о своем.

Похоже, прав был сэр Кофа, когда говорил, что чрезмерное усердие в Истинной магии незаметно превращает человека в наваждение – вроде рядом сидит, ест обычную человеческую еду, слова говорит понятные, а все равно кажется только тенью вечно отсутствующего себя. Я тогда отмахнулся: «Да ладно вам, не сгущайте краски». А теперь вдруг явственно ощутил себя таким наваждением, только и счастья, что пощупать можно; впрочем, не всем подряд. И – не то чтобы пришел к выводу, будто с непостижимым и неопределенным срочно пора завязывать, но решил, что в этом вопросе неплохо бы обрести разумный баланс.

Ради достижения баланса я первым делом покормил Куруша – мало что так наглядно подчеркивает торжество материальной реальности, как хруст орехов и леденцов, особенно когда ты сам стал причиной этих упоительных звуков. Вторым делом, отправился в туалет: есть в мире некоторые незыблемые вещи, которые гораздо убедительней даже самого громкого хруста. А на обратной дороге решил, что кружка камры в обществе Трикки Лая – хорошее третье дело, после которого я окончательно и бесповоротно стану полноценной частью реального мира, возможно аж до самого позднего вечера или, чем черт не шутит, вообще до завтрашнего утра.

Я не стал посылать Трикки зов. Сунуть нос в дверь его кабинета и спросить: «Ты занят или не очень?» – было гораздо проще. Безмолвная речь для меня по-прежнему что-то вроде каждодневных упражнений на турнике, вполне посильных, но требующих напряжения, а дверь – вот она. Правда, за каждой дверью меня по-прежнему ждет бесконечность Хумгата, сбивающий с толку призывный шепот всех сбывшихся и несбывшихся миров; скорее всего, так теперь будет всегда. Но аккуратно, осознанно переступать пороги, оставаясь в

той реальности, которую выбрал для постоянного места жительства, я давным-давно научился, делаю это легко, без ощутимых усилий, и, как ни смешно звучит такое признание, для меня это несравнимо проще, чем лишний раз послать кому-нибудь зов.

Однако вместо Трикки Лая в его кабинете сидела новая начальница Столичной полиции, в старомодном темном тюрбане, скорее мужском, чем женском; впрочем, в этих тонкостях я до сих пор полный профан. Перед ней высились горы самопишущих табличек; судя по страдальческому выражению лица, все, как одна, содержали столь душераздирающие подробности о природе бытия, что человеку неподготовленному лучше о них не знать. Скорее всего, это были черновики грядущего годового отчета: обычно на подобные документы даже самые всемогущие и бесстрашные люди вроде сэра Джуффина Халли смотрят именно так.

Я собирался было бесшумно растаять во тьме коридора, но леди Кайрена Умата меня заметила и явственно обрадовалась. А кто бы на ее месте не обрадовался такому прекрасному поводу сделать перерыв.

– Извините, – сказал я. – Думал, застану здесь Трикки…

– Он в Замке Рулх, – откликнулась леди Кайрена. – Кто-то из нас обязательно должен присутствовать на приеме в честь шиншийцев. Сэру Трикки интересно, а мне не особо. Я на официальных приемах разной степени пышности уже раз триста, наверное, была. К тому же работы непочатый край. Причем такой, которую за меня никто не сделает: я должна как можно скорей начать во всем этом разбираться. По-настоящему, а не делать вид.

Она так красноречиво развела руки в стороны, что мне стало ясно: леди имеет в виду не что-то конкретное, а полицейскую работу как таковую.

Я исполнился сочувствия. Потому что всякий раз, помогая Трикки, от души радовался, что не служу в Столичной полиции. Все-таки справиться с дюжиной катастроф мирового масштаба, умереть, надорвавшись, а потом чудом воскреснуть гораздо проще, чем навести и постоянно поддерживать умеренный порядок в отдельно взятом городе. Я бы точно с ума сошел. И из всех возможных утешений, какие можно придумать, только одно показалось мне достаточно честным, чтобы произнести его вслух:

– Ничего, с таким заместителем не пропадете. Он в этом хаосе – как рыба в воде.

– Ваша правда, – согласилась леди Кайрена. – Сэр Трикки Лай необычайно умный и сведущий человек. Иметь такого заместителя – серьезный вызов. На его фоне моя естественная беспомощность, неизбежная в начале обучения любому делу, выглядит полной катастрофой. Ее, конечно, несложно замаскировать имитацией компетентности. Сидеть с умным видом, говорят, даже у моего предшественника изредка получалось, особенно когда ему хватало выдержки помолчать. Но мне не этого надо. Я хочу по-настоящему вникнуть в работу полиции. Все знать и понимать. Видеть внутреннюю логику нежелательных происшествий, выявлять закономерности, прогнозировать развитие любой ситуации с достаточно высокой степенью вероятности. К счастью, к моим услугам полицейские архивы за много лет, неплохой навык работы с информацией и отличные средства для укрепления памяти, хвала Магистрам. Причем персонально тем, которые их когда-то изобрели.

– Кстати, сейчас у студентов в моде одно старинное заклинание времен короля Мёнина, – вспомнил я. – Довольно простое, всего сорок какая-то ступень Белой магии. Штука в том, что, в отличие от популярных пилюль, оно помогает не столько заучивать слово в слово, сколько запоминать суть, причем именно в той формулировке, которая наиболее близка и понятна самому ученику. Я сам пару раз им пользовался, когда надо было быстро войти в курс запутанного, сложного дела, и подтверждаю: отличное средство, здорово проясняет ум. И вам, наверное…

Леди Кайрена помрачнела и отрицательно покачала головой.

– Спасибо, сэр Макс. Но то, что для вас и большинства столичных студентов «довольно простое», для меня – недосягаемая вершина. Я из семьи драххов, сами понимаете, что это означает. Угуландская Очевидная магия, к сожалению, не для меня. Я овладела Черной – примерно до двадцатой ступени, и Белой – пока всего до четырнадцатой. И знали бы вы, какого мне это стоило труда. Моих умений вполне достаточно, чтобы сохранять лицо в повседневной жизни, но не более того.

Сперва мне стало неловко. Словно предложил безногому человеку заняться оздоровительным бегом трусцой. А все потому, что надо внимательно слушать сплетни, а потом обрабатывать полученную информацию и делать из нее разумные выводы. О происхождении леди Кайрены Уматы мне наверняка уже

тысячу раз рассказали, да я внимания не обратил. Или просто не вспомнил, в чем заключается основное отличие драххов от остальных людей[7 - Собственно, в фатальной неспособности драххов к Очевидной магии оно и заключается. У остальных крэйев такой проблемы обычно нет.].

Потом я подумал: стоп, а как быть с моим ощущением, что она – очень неплохая колдунья? Теоретически я, конечно, мог ошибиться. Но на практике, чутье меня до сих пор ни разу не подводило. Может, леди пока просто не знает о собственных возможностях? Так иногда бывает: к некоторым талантам требуется особый подход, а хороших учителей никогда не хватает на всех. Или все еще проще? Может, она в своей области гений? На нашей угуландской Очевидной магии, к которой драххи почти неспособны, свет клином не сошелся, вот о чем никогда не следует забывать.

– Я слышал, у драххов есть своя магия, – наконец сказал я. – Да такая, что всем остальным и не снилась.

– Снилась, снилась, – усмехнулась начальница полиции. – Нет в нашей старинной лесной магии ничего такого особенного, чтобы никому присниться не могло. Но некоторые житейские проблемы с ее помощью действительно неплохо решаются. Так что мне в общем грех жаловаться. Просто, поймите меня правильно: довольно обидно, когда есть область человеческой деятельности, в которой ты заведомо слаб. Да еще и настолько важная область. И к тому же в последнее время вошедшая в моду, так что не демонстрировать определенный набор обязательных фокусов теперь – почти дурной тон. До недавних изменений в Кодексе мне гораздо приятней жилось: все, чего я не умею, было строго запрещено законом, а когда состоишь на Королевской службе, закон лучше даже в шутку не нарушать. Зато магия моих предков не подпала под запрет, а знают ее очень немногие, так что возможностей у меня было гораздо больше, чем у среднего горожанина. Но теперь ситуация изменилась – увы, не в мою пользу. Представляете, как мне было досадно, что я не могу ходить в полуметре от пола, когда все мои подчиненные практически перестали спускаться на землю? И запретить им нельзя. Ну, то есть теоретически можно, но попытка сохранить старые порядки в отдельно взятом замке Анмокари выглядела бы очень глупо. Гораздо хуже, чем вполне нормальное с учетом моего происхождения неумение взлетать.

– Да, вам пришлось несладко, – согласился я, вспомнив, как сам переживал, вернувшись в Ехо, что не справлюсь со всеми этими цирковыми трюками,

которые за время моего отсутствия из никому не доступных тайных запретных приемов внезапно превратились в некую обязательную программу, каждому столичному подростку по плечу.

Но с «обязательной программой» я довольно легко справился. Я вообще учусь очень быстро, так уж мне повезло.

Я, конечно, славлюсь чудесной способностью сперва говорить, а потом думать, но мне все-таки хватило ума не спросить: «А как же вас приняли на такую высокую должность без умения нормально колдовать?» Но вопрос, надо думать, все равно повис в воздухе, потому что леди Кайрена холодно сказала:

– Считается, что на моей нынешней должности магия практически не нужна. Мой непосредственный предшественник умел даже меньше, чем я. К тому же в моей служебной инструкции ясно сказано, что полиция не должна заниматься магическими преступлениями. Это компетенция ваших коллег, сэр Макс. Упомянутая инструкция не просто дает мне право, а даже обязывает перекладывать свои заботы на плечи Тайного Сыска гораздо чаще, чем до сих пор делал мой заместитель… Эй, не смотрите на меня так!

– Как? – удивился я.

На самом деле я вообще никак на нее не смотрел, а просто дал волю воображению и представил, что будет, если на Тайный Сыск вдруг и правда свалится вся эта мелкоуголовная магическая хренотень, которой сейчас занимаются несколько сотен полицейских под руководством трудоголика Трикки. Первые пару дней будет весело, а потом меня, вероятно, запрут в приюте безумных, так что в общем все равно.

– Говорят, вы способны испепелить взглядом, – объяснила леди Кайрена. – Надеюсь, это обычные придворные сплетни, о Тайных сыщиках чего только не выдумывают, но если все-таки правда, не испепеляйте меня, пожалуйста. Я всего лишь пытаюсь объяснить, что формально имею право занимать свое место. В конце концов, должен же кто-то его занимать. А я – далеко не наихудший вариант.

– Судя по тому, что я о вас слышал, самый прекрасный из всех мыслимых вариантов, – согласился я в надежде, что высказанная вслух грубая лесть

компенсирует моральный ущерб, нанесенный невысказанным вопросом. Улыбнулся, честно стараясь вложить в улыбку все свое обаяние разом, сказал: – Не буду вам мешать, – и аккуратно отступил к выходу. Рассудил, чем быстрей завершится ставший неприятным по моей вине разговор, тем лучше. А назавтра о нем никто уже и не вспомнит. Потому что у леди Кайрены куча дел, а у меня – тем более. Целых две кучи и еще щепотка, чтобы посыпать сверху, просто для красоты.

Но она остановила меня на пороге вопросом, который обычно действует на меня, как любимый прием сэра Кофы в бытность его начальником Правобережной полиции в Смутные времена. Я имею в виду своего рода невидимый «колпак», которым он накрывал преступников, после чего его жертвы не могли ни сдвинуться с места, ни колдовать, что, наверное, очень обидно, когда ты вконец распоясавшийся великий маг и волшебник, Младший Магистр какого-нибудь мятежного Ордена, совершенно уверенный, будто тебе все нипочем.

Леди Кайрена Умата никакой боевой магии не применяла. Просто спросила:

– А это правда, что у вас дома живут кошки? Но не как на фермах, а какие-то особенные? И их будущие котята заранее обещаны в дар Королю[8 - Насчет котят, кстати, чистая правда. В смысле первый же будущий котенок Армстронга и Эллы, если таковой когда-нибудь родится, действительно обещан Его Величеству, давным-давно, больше десяти лет назад. Но кошки в Мире взрослеют почти так же долго, как люди, так что ждать еще Королю и ждать.]?

Невиданное коварство. После того, как меня спросили про Армстронга и Эллу, я никуда не смогу уйти, пока не расскажу о них все, что вспомню, а вспомню я очень много, вот в чем моя беда.

Поэтому следующие полчаса я вещал, размахивая руками; боюсь, время от времени повторялся, но леди Кайрена оказалась благодарной слушательницей и не стала мне за это пенять.

Впрочем, окончательно разум я не утратил. В смысле так и не признался ей, что кошки у меня самые обыкновенные, с фермы при загородном доме родителей сэра Мелифаро, а легенда об их необычной породе родилась без моего участия, исключительно благодаря тому, что я поселил котят в городской квартире, чего

никто из жителей Ехо в здравом уме делать бы не стал. Ну и плюс моя репутация: считается, что от меня можно ожидать чего угодно, кроме нормальной человеческой логики, понятных поступков и обычных, ничем не примечательных беспородных котов.

От кошек я предсказуемо перешел к собакам. Это, на мой взгляд, вполне простительная слабость: когда одна из живущих в вашем доме собак – гигантская овчарка Пустых Земель, а вторая – штатный преподаватель Королевского Университета, приглашенный туда сперва, конечно, больше ради забавы, но быстро завоевавший не только любовь студентов, но и неподдельное уважение коллег, хвастаться такими домашними питомцами перед девушками – естественная потребность любого нормального человека. А именно в этом вопросе я – эталон нормальности. Сияющий, недостижимый ее образец.

Неудивительно, что в финале моего бурного монолога леди Кайрена робко спросила, нельзя ли ей будет однажды взглянуть на этот удивительный зверинец, а я искренне ответил: «Да хоть сегодня», – потому что легко раздаю подобного рода обещания, не сверяясь со своими ближайшими планами, которые, впрочем, все равно совершенно непредсказуемы – это во-первых. А во-вторых, я просто привык, что в гостиной Мохнатого Дома вечно толчется столько народу, что даже если я нечаянно сгину навеки, приглашенных мною гостей все равно будет кому принять, да так радушно, что о моем отсутствии никто особо не пожалеет. Ну, то есть пожалеют, конечно, но далеко не сразу. А спохватившись, например, через дюжину дней.

Леди Кайрена всего этого, разумеется, не знала, из чего можно сделать вполне очевидный вывод: придворные сплетни наверняка чрезвычайно увлекательны и полезны для развития воображения, но практического толку от них никакого. В смысле правды о людях из них не узнать.

Во всяком случае она явно не была готова к тому, что фраза «да хоть сегодня» в моих устах означает не официальное приглашение, а просто разрешение зайти в мой дом в любое удобное время. И, вполне возможно, меня там застать, но вероятность этого события, будем честны, не особенно велика.

Поэтому когда я наконец вернулся домой – на самом деле совсем не поздно, примерно через полчаса после полуночи; для человека, успевшего не только

выслушать от коллег и друзей чуть ли не дюжину разных правд о Королевском приеме, нанести короткий, исполненный сладкой педагогической муки визит на Темную Сторону и дважды поужинать, но и смотаться на побережье далекого Ариморанского моря за необходимой Джуффину технической консультацией, вернуться чуть за полночь это фантастически рано – так вот, дома я застал в гостиной сонную Базилио, специально поджидавшую меня, чтобы рассказать о вежливой голубоглазой леди, которая заявилась к нам в гости, ужасно смутилась, выяснив, что сэра Макса нет дома, и в ближайшее время, скорее всего, не будет, наотрез отказалась от угощения, не решилась погладить кошек, хотя они смотрели на нее с явной симпатией, четырежды извинилась и ушла. Только тогда у меня в голове сложилась объективная картина произошедшего: позвал человека в гости, сам при этом отсутствовал, даже зов не прислал, чтобы извиниться и перенести встречу – ну я получаюсь и свинья! Правда, не абсолютная, а относительная свинья, только с одной отдельно взятой точки зрения, со всех остальных – самый обычный я, к которому просто надо привыкнуть, и тогда все будет хорошо.

Некоторое время я раздумывал, не послать ли зов леди Кайрене, чтобы принести извинения и объяснить причины своего поведения, слегка приукрасив трудности, замедлившие мое продвижение к дому, чтобы она не держала зла. Но решил, что уже, пожалуй, слишком поздно для разговоров. Люди, которым надо с утра являться на службу, в это время обычно спят.

Оставалось только ругать себя последними словами, но я рассудил, что делу это вряд ли поможет, так что не имеет смысла даже начинать.

Но, справедливости ради, я совсем недолго ходил необруганным. Всего какие-то несчастные полчаса. На то и даны человеку друзья, чтобы помогать в работе, с которой он не справляется сам.

* * *

– Ты – нерасторопный погонщик облаков смрадной пыли, поднятых жалкой толпой босоногих варваров, изнуренных многодневным расстройством пищеварения, вызванного суетливым поеданием трупов, казненных за разглашение никого не интересующих лживых секретов последнего из рабов самозваного царя, позорно проигравшего все свои битвы.

– Спасибо, – сказал я. – Если уж выбирать из всей этой милой компании, то погонщик облаков, пусть даже смрадной пыли, пожалуй, наилучший вариант.

– Да, – согласился сэр Шурф, – я довольно бережно с тобой обошелся. Согласно официальному перечню традиционных шиншийских оскорблений, это всего лишь восемнадцатая степень из восьмидесяти восьми. Произносится обычно в состоянии очень сильного раздражения, но почти исключительно в семейном кругу, как и все остальные оскорбления низших степеней; как мне объяснили, примерно с двадцать первой можно начинать ругать чужих.

– Приятно убедиться, что ты обращаешься со мной как с членом семьи. Но, по-моему, ты напрасно так сдерживаешься. Неужели я за все время нашего знакомства хотя бы на сороковую степень не нагрешил?

– В некоторых эпизодах даже на восемьдесят восьмую, – утешил меня Шурф. – Только не подумай, будто я тебя недооцениваю. Просто дальше восемнадцатой степени мои изыскания пока не продвинулись. Старший личный мастер оскорблений великого халифа так и не решился произнести их вслух в моем присутствии.

– Старший личный мастер оскорблений великого халифа?! – переспросил я. – Нет, погоди, у них правда существует такая должность? Ты меня не разыгрываешь?

– Разумеется, нет, – холодно ответил мой друг. И уже совсем другим тоном добавил: – Сказать по правде, мне даже немного досадно, что я не сам это выдумал. Все-таки жизнь куда изобретательней, чем я.

– В этом смысле мы все в одной лодке, – утешил его я. – Никому за этой шутницей не угнаться, особенно когда она не чья попало, а наша… Слушай, а чем занимается старший личный мастер оскорблений? Ежедневно оскорбляет халифа, чтобы тот не зазнавался и был ближе к народу? Или просто, чтобы не сглазили? Я слышал байку, будто садоводы в Запроливном Гугланде, где и климат, и почва – хуже не придумаешь, ежедневно бранят свои кусты и деревья такими распоследними словами, что даже столичные аристократы в смущении отворачиваются; и чем они больше ругаются, тем лучше у них все растет. Может, и с шиншийским халифом та же история?

– К твоему сведению, про гугландских садоводов – не байка, а чистая правда. Их лексика восхитительно богата и разнообразна, как и сады. Но великий халиф Мурана Кутай Ан-Арума определенно не растительного происхождения, – совершенно серьезно сказал мой друг. – И оскорбляют, конечно же, не его самого, а других людей, просто от его имени. Великому халифу не пристало осквернять свои уста площадной бранью, но это не повод лишать высочайшего порицания тех, кто заслужил его своим поведением. Для таких ситуаций и нужны мастера оскорблений. В настоящее время при дворе великого халифа служат тридцать восемь специалистов соответствующего профиля, но в эту поездку взяли только троих. В обязанности старшего мастера входят оскорбления высокопоставленных лиц; всех остальных должны бранить его помощники: первый – своих, то есть свиту халифа, второй – враждебно настроенных иноземцев, если таковые встретятся на пути. Сомневаюсь, что у этих достойных людей так много работы, что ее действительно нужно делить на троих, но столь четкое разграничение полномочий красиво само по себе.

– И тебя оскорблял старший мастер? Как высокопоставленное лицо?

– Боюсь, ты питаешь необоснованные иллюзии насчет Королевских приемов. При всем моем уважении к Его Величеству, там не настолько непринужденная обстановка, чтобы меня вот так запросто кинулись оскорблять. Мы с господином Шурани Ум-Учиени просто беседовали за обедом, и мне удалось направить разговор в интересующее меня русло.

– Но к самым заветным тайнам тебя так и не допустили, – посочувствовал я. – После восемнадцатой степени начинаются сакральные откровения для посвященных, которых не рассказывают чужакам?

– Нет, что ты. Шиншийские оскорбления вовсе не являются тайной, в противном случае, их не могли бы высказывать вслух. Господин Шурани Ум-Учиени твердо пообещал мне быть более откровенным при следующей встрече. По его словам, требуется время, чтобы привыкнуть к моей невозмутимой реакции на оскорбления и удивительной, по его мнению, манере записывать все, что он говорит. Впрочем, возможно, этот достойный человек просто опасается конкуренции? Вдруг великий халиф Мурана Кутай Ан-Арума пожелает нанять на службу иностранного колдуна? И тут появляюсь я, блестяще подготовленный к предстоящей работе.

– Отличная идея. Будь я великим халифом, обязательно постарался бы заполучить тебя в свиту. Можно даже без оскорблений, просто чтобы жизнь сахаром не казалась. В смысле для полного счастья… Я смотрю, ты единственный, кто получил удовольствие от этого грешного приема. Остальные вернулись такие кислые, хоть медом их мажь. Даже Малдо, который первые три часа упивался похвалами, на четвертом так заскучал, что прислал мне зов и вел, можно сказать, прямой репортаж с торжественного обеда. Чрезвычайно захватывающий: «Справа ко мне приближаются три человека в зеленых одеждах, с такими свирепыми лицами, словно собираются вышвырнуть в окно; слушай, было бы здорово! А, нет, я ошибся, они просто принесли салат», – и все в таком духе. Но хуже всех пришлось Кофе: он же еще и мысли присутствующих читал – просто из чувства долга; ну и многовековая привычка дает себя знать. А мысли придворных – это уже не просто скука, а тоска, возведенная в такую лютую степень, что у меня отказывает воображение. Даже у меня!

– Да, объективно прием несколько подзатянулся. Но для меня он пролетел незаметно, поскольку Его Величество любезно распорядился усадить рядом со мной старшего личного мастера оскорблений и, соответственно, большого их знатока. На самом деле это была своего рода ответная любезность: Великий Магистр правящего Ордена не обязан присутствовать на Королевских приемах в честь иноземных монархов, однако своим посещением повышает их статус, как бы символизируя стремление самого Сердца Мира приветствовать высоких гостей. Никакой практической пользы от этого нет, но всем приятно, поэтому я был чрезвычайно желанным гостем. А Король хорошо знает, чем меня можно заинтересовать.

– Так это была сделка? – восхитился я.

– О каких-либо сделках между мной и Его Величеством, разумеется, не может быть и речи, – надменно сказал мой друг. И, подумав, добавил: – Но если называть вещи своими именами, да, именно она.

– И пока все умирали от скуки, ты зубрил шиншийские оскорбления. С пользой провел время, ничего не скажешь. Выкладывай давай!

– То есть ты не против, если я продолжу оскорблять тебя без всякого повода? – на всякий случай уточнил мой друг.

– Ни в чем себе не отказывай, – великодушно кивнул я.

– Ничтожный обладатель трех пар дырявых штанов, снятых с блудливой подружки необразованного заклинателя дождя, похвалявшегося своими умениями перед гнуснейшими из дикарей и умершего от жажды в засуху, – с нескрываемым удовольствием сказал Шурф. И продолжил с нарастающим энтузиазмом: – Презренный обладатель четырех отвратительных прозвищ, оскорбляющих даже грубый слух невежественных подметальщиков дешевых портовых борделей для недужных рабов иноземных матросов. Малограмотный летописец, запечатлевший на собственном лбу многолетнюю хронику повседневных испражнений шелудивых уличных псов, изгнанных из стаи за обжорство и трусость. Жалкий пучеглазый шарлатан, чванливо провозгласивший себя глашатаем воли бессмертных, но во время первой же церемонии задохнувшийся от сладкого запаха дыма ритуальных благовоний и бесславно издохший на глазах своей несуразной, опухшей от пьянства родни. Алчный пожиратель дрожжей, лопнувший на утренней пирушке многодетных нищих…

– Дрожжей! – потрясенно повторил я. – Алчный пожиратель дрожжей! Каков гурман, а. Удивительная у них там, должно быть, кухня.

– Кухня как раз превосходная, – заметил мой друг. – Одна из самых изысканных и сложных в Мире. Впрочем, шиншийцы действительно испытывают необъяснимую неприязнь к дрожжевому тесту, а потому привычных нам хлеба и пирогов не пекут. Но, кстати, на приеме вкушали их, не поморщившись; впрочем, возможно, только потому, что относят Королевские угощения к числу неизбежных тягот путешествия, которые следует принимать с приличествующим мужеством… А вообще, конечно, оскорбления и ругательства – одна из важнейших и интереснейших составляющих всякой культуры. Удивительно, как много можно понять о чужом образе жизни, традициях, складе ума и представлениях о норме, исследовав эту область. Универсальный ключ! Мои довольно обширные, но разрозненные знания о Шиншийском Халифате объединились в цельную картину только сегодня, после короткой, в сущности, четырехчасовой беседы с Мастером Оскорблений. Надеюсь, господин Шурани Ум-Учиени предоставит мне возможность продолжить этот бесконечно поучительный для меня разговор.

– Джуффин говорил, шиншийцы собираются сидеть в Ехо чуть ли не до конца зимы, – вспомнил я. – Все наши в связи с этим заранее стонут, зато для тебя очень удачно складывается: как раз успеешь выпотрошить этого Мастера

Оскорблений до самого дна.

– Почему вдруг стонут? – удивился сэр Шурф. – С каких это пор высокие иностранные гости стали проблемой Тайного Сыска? И, если на то пошло, что с шиншийцами не так?

– Просто Кофа заранее запугал всех рассказами о буйных шиншийских принцессах, с которыми не справится никакая полиция: непременно будут драться, грабить лавки и обижать трактирщиков, в точности как ты в юности. Правда, в отличие от тебя, принцессы вроде бы не колдуют, зато их двести штук с лишним, так что в сумме должен выйти сходный эффект. Трикки в этой связи пророчат приятный отдых в приюте безумных, а новая начальница полиции… ну, даже не знаю, что она будет делать. Может, просто на нервной почве испечет еще один торт? Было бы здорово, в прошлый раз мне не оставили даже попробовать. А кстати, как тебе эти шиншийские принцессы? Говорят, на приеме они сидели вокруг халифа, тише воды ниже травы, но это не показатель. В Замке Рулх кто угодно временно присмиреет, включая меня.

– На редкость приятные юные леди, – сказал сэр Шурф. – Если бы мне не посчастливилось беседовать с господином Шурани Ум-Учиени, я бы все равно получил удовольствие от приема – именно благодаря им.

– Такие красотки? – обрадовался я.

– Даже не знаю, что тебе на это ответить. Вполне возможно, некоторые – да; особо я не присматривался. Речь в данном случае не об их внешности. И не о манерах. И, тем более, не об уме и эрудиции, о которых я пока просто не получил представления: мы с юными леди ни единым словом не обменялись. Но находиться рядом с ними было почти так же приятно, как сидеть на берегу моря. Никогда прежде не встречал людей, чье внутреннее движение имело бы настолько умиротворяющий ритм.

Я и забыл, что в этом вопросе мой друг – эксперт не хуже буривухов. А ведь да.

– Ничего себе. А Кофа говорил, они – невоздержанные хулиганки. Его каким-то образом ввели в заблуждение? Или халиф взял с собой в путешествие самых смирных и воспитанных принцесс?

– Последнее вполне возможно, – согласился Шурф. – На месте халифа я бы постарался подобрать для дальней поездки такую свиту, которая не доставит чрезмерных проблем. Но вообще имей в виду, сколь угодно гармоничный внутренний ритм вовсе не гарантирует, что поведение его обладателя непременно будет удобным для окружающих. Это просто не взаимосвязанные вещи. Однако находиться рядом с таким человеком чрезвычайно приятно, что бы он ни творил. Впрочем, приятно не всем подряд, а только людям чувствительным, вроде великого халифа Мурана Кутай Ан-Арумы. И, скажем, меня. На твой счет я уже не так уверен. Ты чувствителен скорей к силе, чем к гармонии. Впрочем, чего гадать, надо просто проверить.

– Ну, рано или поздно я их увижу. Подозреваю, встречи с шиншийскими принцессами никому в этом городе не миновать.

На этом месте в моей голове раздался голос сэра Кофы. И объявил: «Ну вот, началось».

Впрочем, звучал он скорей насмешливо, чем встревоженно. Безмолвная речь далеко не всегда позволяет получить представление о настроении говорящего, но в Кофином исполнении обычно распрекрасно все передает.

«Что именно началось?» – спросил я.

«Веселье, – лаконично ответил Кофа. Но, выдержав драматическую паузу, смилостивился и объяснил: – Шиншийцы расставили вокруг отведенного им дворца свои уладасы. И теперь принцессы из ближней свиты халифа скачут на них, что есть сил, а зеваки, собравшиеся поглазеть на новоселье заморских гостей, к ним понемногу присоединяются. Ты был когда-нибудь на представлении деревенского цирка? Догадываюсь, что это несчастье тебя миновало. Ну, ничего не поделаешь, значит, ты не сможешь представить, насколько это зрелище нелепо и смешно».

«Погодите, – попросил я. – Ничего не понимаю. Как это – скачут на уладасах? Как вообще на уладасе можно скакать?»

Мое удивление можно понять. В своей жизни я повидал множество уладасов – своего рода паланкинов в виде мягких диванов. И даже неоднократно на них возлежал, когда мы с Кофой путешествовали по Куманскому Халифату, где

почетные гости и просто люди с достаточно высоким положением в обществе редко ходят пешком. Уладас очень мягкий и не особо широкий. Лежать и сидеть, развалившись, удобно, но как кому-то удается на этой штуке скакать?

«А, ты же никогда не видел шиншийских уладасов, – сообразил Кофа. – Они гораздо больше куманских: уладас великого халифа несут сорок семь носильщиков одновременно; для остальных народу требуется не так много, но никак не меньше дюжины человек. И поверхность не мягкая, а пружинистая. На таком уладасе, если наловчиться, можно очень высоко подпрыгнуть. На высоту своего роста, а то и на две. А у некоторых умельцев получается и на пять. При всей своей любви к праздности и неге, шиншийцы – люди довольно непоседливые. Их уладасы сделаны таким образом специально, чтобы развлекаться в долгих поездках. Надоест лежать и разглядывать окрестности, можно немного попрыгать. По-моему, глупое ребячество, но о чужих обычаях принято высказываться в духе: им видней».

Спрашивать: «Ну и на кой вы мне все это среди ночи рассказываете?» – было бы довольно невежливо. Поэтому я переформулировал вопрос: «Вам нужна моя помощь?»

«Магистры с тобой, да какая тут может быть помощь? – удивился Кофа. – Кому? В чем? Просто ты в последнее время часто жалуешься, что настоящая жизнь проходит мимо, обо всем самом интересном приходится узнавать из газет. А это безобразие, если тебе больше нечем заняться, еще вполне успеешь застать».

– Что-то случилось? – деловито спросил Шурф, все это время с неподдельным интересом наблюдавший за выражением моего лица. – Выглядишь так, словно получил довольно заманчивое предложение, которое смутно кажется тебе непристойным, но ты постеснялся подробно расспросить.

– Что-то вроде того, – кивнул я. – Кофа рассказывает поразительные вещи о шиншийских уладасах, которые выставили на улицу возле дворца, и теперь на них прыгают все желающие. Это какими же надо быть идиотами, чтобы среди ночи, на окраине города, прямо под окнами резиденции высокого гостя скакать на его уладасах! Ужас в том, что я, кажется, тоже хочу.

– Постарайся, пожалуйста, испытывать это желание как можно дольше, – совершенно серьезно сказал мой друг. – Оно чрезвычайно гармонично сочетается со всей совокупностью моих представлений о тебе и объединяет их в удивительно стройную, логичную и ясную концепцию. Примерно как шиншийские ругательства мои обрывочные сведения об этой далекой стране.

* * *

Уладасы великого халифа Мураны Кутай Ан-Арумы оказались почти идеальными батутами. До полного идеала им, на мой взгляд, слегка недоставало пружинистости: чтобы взлететь по-настоящему высоко, требовалось приложить немалые усилия. Но в Сердце Мира, где к услугам любого желающего подпрыгнуть не только сила его икроножных мышц, но и Очевидная магия, этот недостаток нельзя считать роковым.

Остальные жители столицы Соединенного Королевства не нашли в батутах, в смысле, в шиншийских уладасах вообще никаких недостатков. Во всяком случае, на следующий день в городе только и разговоров было что о них. Пропустившие ночное развлечение завидовали счастливчикам, которые оказались в нужное время в нужном месте, и гадали, прикажет шиншийский халиф убрать уладасы с улицы, или оставит как есть.

Ответ на этот животрепещущий вопрос горожане узнали из экстренного полуденного выпуска «Суеты Ехо», на первой странице которого было опубликовано наиважнейшее за всю историю дипломатических отношений Соединенного Королевства и Шиншийского Халифата политическое заявление: великий халиф Мурана Кутай Ан-Арума благодарен Его Величеству Гуригу Восьмому за гостеприимство и бесконечно доволен, что нечаянно сумел порадовать его подданных, поэтому от всего сердца просит власти столицы принять в дар дюжину превосходных уладасов и установить их для всеобщего ликования в тех общественных местах, где они будут наиболее уместны.

На мой взгляд, щедрость халифа выглядела завуалированной просьбой больше никогда не прыгать с воплями по ночам прямо под его окнами, но факт остается фактом: город получил в дар превосходные шиншийские уладасы, вполне подходящие для акробатических прыжков, и столичные жители сразу же начали спорить, где именно их установят. И заключать пари.

– Один уладас, как и следовало ожидать, сразу же забрали для нужд придворных Его Величества и установили на заднем дворе замка Рулх, – объявил Кофа. – Говорят, главный церемониймейстер уже составляет расписание, если можно так выразиться, дежурств, чтобы драгоценный подарок, с одной стороны, не простаивал без дела, а с другой не собирал длинные очереди желающих попрыгать и не становился причиной ссор. Второй, конечно, поставят на площади Зрелищ и Увеселений, там ему самое место. Третий и четвертый, насколько я знаю, разместят на Левобережье – напротив Дворца Ста Чудес и возле бывшей переправы, в смысле Большого Королевского моста. Еще два достались Университету и Королевской Высокой школе, что вполне объяснимо: там полно молодых дураков. Руководители Корабельной Высокой Школы и Школы Врачевателей Угуланда чуть не лопнули от зависти и сейчас спешно составляют соответствующие прошения в Королевскую Канцелярию Праздников и Развлечений; заранее не сомневаюсь, что они получат свое. Что касается остальных четырех уладасов, даже не представляю, куда их денут. В смысле, где именно будут устанавливать. Горожане рады новому развлечению, но решительно протестуют, как только выясняется, что веселье будет происходить не где-нибудь, а непосредственно под их окнами. В общем, город бурлит.

– Один уладас установят у нас в Новом городе, на площади Веселых Голов, – сообщил Нумминорих. – Хенна ходила на специально созванное по этому поводу собрание Клуба Добрых Соседей, только что прислала зов, сказала, решение принято. И еще один Малдо Йоз очень хочет поставить в начале Удивительной улицы; вряд ли кто-то станет ему возражать, он сейчас всеобщий кумир и герой. А вот с двумя последними пока непонятно…

– Чего тут непонятного? – встрял я. – Надо в кои-то веки воспользоваться привилегированным положением нашей конторы и забрать их сюда, на улицу Старых Монеток. Поставим у главного входа в Управление Полного Порядка. Один велим обтянуть какой-нибудь золотой парчой, чтобы издалека было видно: это не просто так хренотень, а почетный уладас для вдохновенных упражнений великолепного Тайного Сыска; второй, так и быть, отдадим полицейским, пусть тоже культурно отдыхают. По такому случаю я, пожалуй, достану из кладовой Мантию Смерти, надену и буду прыгать все время, пока свободен. То есть все упоительные три с половиной минуты в сутки, именуемые словом «досуг». И мне радость, и для оздоровления криминальной обстановки в столице очень полезно. Горожане сразу догадаются, что я окончательно сошел с ума, и преступность не просто сойдет на нет, а достигнет абсолютного, мертвого нуля. Со мной шутки плохи, это все должны понимать.

– В этой идее мне особенно нравится твое намерение вернуть Мантию Смерти, – совершенно серьезно сказал Мелифаро. – Наконец-то снова будешь более-менее прилично одет.

Судя по выражениям лиц остальных моих коллег, им тоже было что сказать по этому вопросу. Возможно, гораздо больше, чем я хотел бы услышать, но после давешней беседы с Шурфом Лонли-Локли, внезапно познавшим несколько дюжин новеньких заморских оскорблений, мне все было нипочем.

Но высказаться они не успели, потому что на пороге зала общей работы возникла леди Кайрена Умата и трагическим голосом объявила:

– Извините, что помешала, но мне очень нужен совет.

В этот момент я конечно вспомнил, что так и не извинился перед ней за свое вчерашнее отсутствие. И мысленно схватился за голову, прикидывая, имеет ли смысл извиняться сейчас, или делу уже ничем не поможешь, разве только задушить себя собственными руками, как это делают в невыносимых ситуациях арварохцы, прямо у нее на глазах.

Мне редко становится стыдно, но если уж это несчастье со мной случается, стыд не просто занимает все мои мысли, а ослепительно вспыхивает в голове, как очень злая белая звезда. К счастью, пылает она обычно совсем недолго, а то даже и не знаю, как бы я дожил до сегодняшнего дня.

В общем, где-то полминуты я ничего не видел и не слышал, ослепленный искренним раскаянием, а когда острый приступ миновал, леди Кайрена уже спрашивала присутствующих:

– И что мне теперь делать? Как повернуть этот процесс вспять?

А присутствующие взирали на нее с таким характерным состраданием, какое обычно выпадает на долю безумцев, время от времени забредающих в приемную Тайного Сыска, чтобы сообщить нам об обретении Единой Великой Истины или хотя бы о нашествии невидимых людоедов, до этого обитавших на нашей Луне и как раз недавно доевших всех тамошних жителей. В таких случаях следует открыть все окна, потому что запах безумия – не лучший освежитель воздуха

для помещений, срочно вызвать знахарей и чем-то занять посетителя до их прибытия. Например, внимательно слушать и сочувственно кивать – вот именно с таким выражением, с каким сейчас все смотрели на леди Кайрену. Я даже удивился: чего это они?

– Вам не следует беспокоиться, этот вопрос выходит за рамки компетенции Столичной полиции, – наконец сказал сэр Кофа. – Горожане могут развлекаться, как им угодно, если это не запрещено законом. А прыжки на шиншийских уладасах ни Кодексом Хрембера, ни уголовным законодательством совершенно точно не запрещены.

– Но это очень опасное развлечение! – воскликнула леди Кайрена. – Я слышала, прошлой ночью один из неосторожных горожан сломал руку.

– Не сломал, а всего лишь вывихнул, – хладнокровно заметила Кекки. – Впрочем, невелика разница: и то и другое вылечить несложно; по нынешним временам большинству горожан даже знахаря не приходится звать, сами справляются. Но если бы и не справлялись, это ничего не меняет, такого рода несчастья – неизбежная часть жизни. В этом смысле каждый наш шаг – определенный риск.

– Да, но когда травм можно избежать, заблаговременно ликвидировав источник опасности… – начала было леди Кайрена.

Тут до меня наконец-то дошло, о чем речь. Начальница Столичной полиции пришла к нам советоваться, как добиться запрета шиншийских уладасов. И мне опять стало мучительно стыдно, но на этот раз только потому, что в моем присутствии оказался возможен настолько дикий эпизод.

– Конечно, надо заблаговременно ликвидировать источник опасности, – сказал я. – Эти ужасные шиншийские уладасы, безусловно, следует испепелить. Я лично этим займусь, сразу после того, как будут снесены все стены в этом городе, а лучше – сразу во всей стране. Стены недопустимо твердые, вот в чем с ними беда. Об одну из них я буквально на днях очень больно стукнулся локтем. А в самом начале осени вообще лбом. Стены – вот главная смертельная угроза, нависшая над человечеством. Но шиншийские уладасы, несомненно, номер два.

Леди Кайрена Умата почти беззвучно спросила:

– Вы надо мной смеетесь, сэр Макс?

– Что-то вроде того, – честно признался я. – Но для вашей же пользы. В смысле, чтобы не рассердиться по-настоящему. А то я могу, да так, что потом сам пожалею. Не говоря уже обо всех остальных.

Теперь коллеги смотрели на меня с такой укоризной, будто я у них на глазах отнял еще не совсем пустую бутылку у портового нищего и допил ее содержимое сам.

– Не перегибай палку, – наконец сказал Кофа. – Леди Кайрена долгое время отвечала за безопасность летней Королевской резиденции. И еще не привыкла к новым обстоятельствам. Мы все когда-то были начинающими. В том числе, ты сам.

– Я до сих пор начинающий, – кивнул я. – И тоже… скажем так, еще не ко всему привык. Извините, леди Кайрена. Я как-то не учел, что вы, если что, вряд ли сможете испепелить меня взглядом или хотя бы оторвать голову, а значит, вам нельзя хамить.

– Да, – сухо согласилась начальница полиции. – Испепелить – это вряд ли. Максимум отравить.

– По крайней мере, теперь ясно, с какой начинкой будет ее следующий торт, – бодро заключил Мелифаро, когда за леди Кайреной Уматой закрылась дверь. – Одной загадкой меньше, и хвала Магистрам, а то я уже извелся гадать.

– Причем сэр Макс благополучно проспит момент подношения, и вся отрава достанется нам, – заметила Кекки. – Надо будет зайти на Сумеречный рынок, запастись противоядиями, на всякий случай сразу от всего.

– Если еда будет отравлена, я это учую, – совершенно серьезно утешил ее Нумминорих. – И даже с высокой степенью точности определю по запаху яд.

– Зря ты так, – сказал мне сэр Кофа. – Когда коллега допускает ошибку, следует объяснить человеческими словами, в чем именно она заключается. А не сразу на

смех поднимать. Если человек, которого ты сделал посмешищем, имеет хоть каплю достоинства, он никогда, ни за какие сокровища Мира не согласится с твоей правотой, а значит, укоренится в собственной глупости. Ты такого эффекта хотел?

Я отрицательно помотал головой.

– Сам не знаю, чего на нее набросился. Наверное, беда в том, что она мне сразу понравилась. А когда симпатичный мне человек начинает нести несовместимую с моей жизнью хренотень, я воспринимаю это как своего рода предательство. Хотя человек совершенно не виноват, что я по какой-то причине назначил его «симпатичным». И, по идее, не должен нести за это какой-то дополнительной ответственности. Как ни крути, а я повел себя, как хрен знает что… С другой стороны, я в свое время приложил столько усилий, чтобы примирить с Тайным Сыском Бубуту, что теперь, равновесия ради, был просто обязан рассориться с новой начальницей Столичной полиции. Чтобы между нашими ведомствами сохранился традиционный конфликт.

– В болоте я видел такое равновесие. И традиции вместе с ним, – огрызнулся Кофа. – Хочешь конфликта – ступай в оперу. А лично я желаю спокойно работать, не отвлекаясь на ерунду. Так что придумывай, как будешь мириться с леди Кайреной. Вряд ли это особенно сложно. По моим сведениям, она не слишком злопамятна. И любому драматическому сюжету предпочтет скучный, удобный, полезный для общего дела мир.

– Просто соблазни ее, – подсказал Мелифаро. – Это самый простой и беспроигрышный вариант извиниться, я много раз проверял.

– И подбей сбежать в Ташер, – подхватила Кекки. – С ее преемником, кто бы им ни стал, мы поступим так же. И со следующим. Если в Ташере со временем соберется целая толпа бывших начальников нашей полиции, все, как один, с разбитыми сердцами, это будет… ну, просто красиво. Вчера на Королевском приеме сэр Малдо чрезвычайно убедительно мне объяснил, что красота не нуждается в каких-то дополнительных смыслах, она сама – смысл.

Сэр Кофа даже краешком рта не улыбнулся, хотя обычно подобные разговоры его забавляют. Напротив, помрачнел еще больше.

Только тогда до меня дошло, насколько это важно для Кофы: заполучить на свое бывшее место, которое больше ста лет занимал некомпетентный скандалист, заново превративший полицию в посмешище, хорошую; ладно, хотя бы потенциально неплохую, открытую к сотрудничеству, готовую учиться и заранее благодарную за поддержку начальницу. И закрыть наконец этот мучительный для него вопрос. А тут и леди Кайрена внезапно выступила полной дурой, и я своими насмешками отбил у нее охоту ходить в Тайный Сыск за советами. Хорошо, если только на время. А вдруг навсегда? Могу представить, что она без присмотра натворит. Вернее, я-то как раз не могу. А сэр Кофа может. Он очень опытный человек.

– Извините, – сказал я. – Надо было с самого начала сказать, что для вас это так серьезно. Я бы тогда в присутствии леди Кайрены вообще звука не произнес. Максимум – встал бы и вышел, чтобы не разорвало. Ничего, не берите в голову, все наладится. Даю слово, я с ней помирюсь.

– Взрослые люди обычно не ждут команды, а сами соображают, когда следует заткнуться, – проворчал Кофа. – Хотя какой из тебя, в болото, взрослый человек… Ладно, договорились: ты приносишь извинения леди Кайрене. Если она их примет, с меня обед.

– Ради обеда с вами я могу еще перед дюжиной человек извиниться, – обрадовался я. – На ваш выбор. Возможна торжественная церемония покаянного лобызания подолов их лоохи. Дело стоит того.

– Ты льстишь, как старый ленивый придворный, – почти помимо воли усмехнулся Кофа. – Для каждой жертвы припасен всего один, зато безотказно действующий прием.

* * *

Я переступил порог кабинета леди Кайрены Уматы с легким сердцем и в приподнятом настроении.

Не то чтобы я всю жизнь мечтал перед кем-нибудь извиниться, оставаясь при этом уверенным в собственной правоте. Но поскольку делал это исключительно ради Кофиного спокойствия, предстоящий спектакль казался мне чем-то вроде

спасательной операции. А спасательные операции я очень люблю. Они меня, можно сказать, заводят – не потому, что я от природы добрый, это, боюсь, все-таки вряд ли. Просто способность улаживать чужие дела мой изворотливый ум почему-то соглашается считать веским вещественным доказательством все еще сомнительного для него факта, что я не наслаждаюсь посмертными грезами о счастливой жизни в навсегда утраченном Мире, а по-настоящему тут есть.

Положа руку на сердце, в этом нет никакой логики: спасение кого бы то ни было вполне может оказаться такой же естественной составляющей посмертных грез, как заверения моих близких и просто авторитетных специалистов вроде Правдивого Пророка, что я абсолютно, вне всяких сомнений, а временами даже несколько чересчур жив. Но уж если мой скептический ум по какой-то причине решил считать благотворительную деятельность достаточно веским доказательством моего бытия, кто я такой, чтобы отказываться от неописуемого наслаждения хотя бы пару часов в сутки не терзаться сомнениями. Бери, пока дают – вот мой девиз.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Об этом визите рассказывается в повести «Сладкие грезы Гравви».

2

Черхавла – легендарный зачарованный город в Красной пустыне Хмиро. Разумеется, ее точное местонахождение не известно никому. Черхавлы нет на географических картах. Тот, кто хочет найти Черхавлу, должен доверить свою судьбу красным пескам пустыни Хмиро и полагаться на удачу. Если Черхавла захочет принять гостя, он ее найдет. Если нет, может скитаться в песках хоть столетиями напролет, успеха он не добьется. Подробно о путешествии в Черхавлу рассказывается в повести «Сладкие грезы Гравви».

3

Все коренные жители Уандука называются кейифайями (в просторечии «эльфами»). Эта чрезвычайно малочисленная на сегодняшний день раса, отличается от людей не только крайне большой продолжительностью жизни, позволяющей считать их бессмертными (от некоторых видов оружия они умереть могут, однако от старости и болезней – нет), но и множеством других особенностей, которые, в отличие от бессмертия, отчасти наследуют потомки смешанных браков с людьми и крэйями. Однако внутри расы кейифайев существует разделение на упиатов, которые отличаются ярко выраженным стремлением к покою, и чрезвычайно активных, деятельных амфитимайев. В настоящее время в Уандуке живут, в основном, сами упиаты и их многочисленные потомки от смешанных браков, поскольку почти все амфитимайи, в силу своей беспокойной натуры, давным-давно покинули материк, чтобы найти и завоевать новые земли. Поэтому не будет преувеличением утверждать, что потомками амфитимайев заселен практически весь Мир (кроме разве что Арвароха, до которого их корабли так и не добрались).

4

Горсть – самая мелкая монета Соединенного Королевства. 12 горстей составляют одну коронку, 12 коронок – корону.

5

Крэйями называются все исконные обитатели материка Хонхона, включая драххов, больше всего похожих на обычных людей, оборотней, гномов, великанов, невидимок и даже говорящие камни. Среди населения столицы Соединенного Королевства, давным-давно перемешавшегося с кейифайскими воинами Ульвиара Завоевателя и многочисленными переселенцами из Чирухты, чистокровных крэйев довольно мало, но в отдаленных провинциях и в других государствах Хонхоны осталось очень много крэйских семейств.

6

То есть гнома, к тому же со скверным характером (эта особенность в той или иной степени присуща всем равнинным крёггелам, зато горные гномы, как правило, прирожденные добряки).

7

Собственно, в фатальной неспособности драххов к Очевидной магии оно и заключается. У остальных крэйев такой проблемы обычно нет.

8

Насчет котят, кстати, чистая правда. В смысле первый же будущий котенок Армстронга и Эллы, если таковой когда-нибудь родится, действительно обещан Его Величеству, давным-давно, больше десяти лет назад. Но кошки в Мире взрослеют почти так же долго, как люди, так что ждать еще Королю и ждать.

Купить: https://tellnovel.com/ru/maks-fray/mertvyy-nol

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить